
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Николай Макаров
(г. Тула)

РАЗМЫШЛЕНИЯ О МОРАЛЯХ

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Шел Человек по дороге. Солнышко на небе умытое утренним дождем. Радуга семицветная над дорогой. Кругом птички весело щебечут. Засмотрелся Человек на красоту начинающегося летнего дня. Задумался, замечтался и... И полетел вверх тор-машками. Не заметил камень на дороге. Споткнулся о камень. Перелетел через камень. Перелетел, сильно ушибся, крякнул с досады.

— Непорядок,— сказал сам себе Человек и передвинул камень с дороги. Чтобы никто больше об этот камень не спотыкался. И не падал.

Пошел Человек, весело насвистывая, дальше по дороге. И... И угодил в пасть Дракона.

Мораль? Будет, мораль...

Другой Человек шел по этой дороге. Солнышко стояло над головой, в траве весело стрекотали кузнечики. Засмотрелся Человек на красоты летнего дня. Задумался, замечтался и... И увидел на обочине дороги камень. Присел. Передохнул. Перекусил.

Пошел Другой Человек, весело насвистывая, дальше по дороге и... И угодил в пасть Дракону.

Мораль? Будет, будет мораль...

Третий Человек шел этой дорогой. Солнышко завершало свой дневной путь, отбрасывая тени от недалеких сосен. Пташки перестали щебетать, стрекотать перестали кузнечики. Засмотрелся Третий Человек на красоты наступающего вечера. Задумался, замечтался и... И увидел на обочине дороги камень. Присмотрелся. Обошел камень. Перевернул камень. Прочитал надпись на камне. Прочитал об опасности впереди. Прочитал о Драконе. И... И победил Дракона.

Мораль?

А нужна ли здесь мораль?

Летела сорока. Вертела головой. Трещала на весь окрест. Ничего вокруг не видела, ничего не замечала.

Летела стая воробьев. Чирикали, заглушая все другие звуки. Спорили друг с другом. Ничего вокруг не видели, ничего не замечали.

Летела ворона. Внимательно смотрела по сторонам. Все видела, все примечала. И заметила на дороге... кусочек сыра.

Мораль: Бог помогает тем, кто ищет.

Вторая мораль: Бог не помогает тем, кто найдет и потом разевает рот.

Посадил Дед репку. И выросла репка... маленькая-премаленькая. С ноготок. В траве не видно даже вершков от репки.

Мораль: поливать, удобрять и пропалывать огород надо — тогда и репка вырастет большая-пребольшая.

Снесла курочка Ряба не простое, а золотое яичко. Дед бил-бил, не разбил. Бабка била-била, не разбила. Бежала мышка, хвостиком вильнула, яичко и разбилось.

Снесла курочка Ряба второе золотое яичко. Опять мышка бежала, хвостиком вильнула, яичко и разбилось.

В третий раз снесла курочка Ряба золотое яичко. И вновь мышка вильнула хвостиком и... И попала в мышеловку.

Мораль: и золотое яичко может оказаться бесплатным сыром в мышеловке.

Жил старик со старухой у самого синего моря. Пошел однажды старик к синему морю, забросил невод и с первого раза вытянул подводную лодку иностранного происхождения. Рассердился старик, рассердилась старуха и выдали они этим долбаным иностранцам по полной программе. Лодку сдали в утиль. Весь экипаж во главе с капитаном посадили на хлеб и воду. Все удобства — во дворе. Рабочий день ненормированный им сделали: с раннего утра до позднего вечера, без перекуров и перерыва на обед.

Мораль: неча шляться кому ни попадя в дедовых территориальных водах и искать себе на якорь приключения.

Отец у сына был Козел. Мать у сына была Козочка. А сын вырос Баран бараном.

Мораль: и от Козлов рождаются Бараны, если мамы — якобы, невинные Козочки.

Искал, искал Иван-дурак в своем царстве крокодилов, но так и не нашел. Не водились в этом царстве-государстве крокодилы. За моря-океаны ехать за крокодилами далеко, а сапожки из крокодиловой кожи Василисе Прекрасной подавай к завтрашнему утру. А не подашь сапожки — голова с плеч. Уже наточен меч.

— Дурак-Иван, чего голову повесил, чего с утра не весел? — с вопросами пристал к Ивану знакомый Змей Горыныч.

Узнав о беде Ивана, Змей Горыныч долго не раздумывал.

— Руби мне хвост! Для тебя, дурак-Иван, ничего не жалко!

— Как ты без хвоста летать-то будешь?

— Другой отрастет! Я — ящерица или кто?

Мораль: друг познается в беде.

Другая мораль: на безкрокодилье и из хвоста Змея Горыныча получатся замечательные крокодильи сапожки для Василисы Прекрасной.

Человек вырыл яму ближнему, но упал в нее сам. Сын Человека вырыл свою яму для сына ближнего, но упал в нее сам.

Мораль: яблоко от яблони падает недалеко.

Вход забили, выход заколотили. Ни вверх, ни вниз. Ни вправо, ни влево. Ни вперед, ни назад. Куда ни кинь — всюду тупик.

Мораль: хода нет — ходи с бубей!

Летела стая птиц. Навстречу ей — один гусь.

— Здравствуйте, сто гусей! — приветствовал стаю одинокий гусь.

— Братан, фильтруй базар! — раздалось в ответ карканье из стаи.

Мораль: гуси стаями не летают — у них другой стиль пилотажа.

Повстречался с Красной Шапочкой Серый Волк и как ломанул, не разбирая дороги, через бурелом, как ломанул, только пятки засверкали.

И не надо нам ля-ля-кебаб на уши вешать этой сказкой.

Мораль: ненавидят волки красный цвет, бояться его — будь то красные флажки, будь то красные шапочки.

Наезжал КАМАЗ, наезжал на 600-й, но так и не наехал. Мимо еле телепался «горбатый», хлопнул капотом, кашлянул выхлопом и... И — вдребезги 600-й, восстановлению не подлежит, развезя на мелкие кусочки по окрестностям.

Мораль: начальная скорость гранаты из гранатомета не зависит ни от крутизны навороченного «мерса», ни от крутизны горба «запора», откуда эта граната вылетела.

Человек на дереве пилил сук, на котором сидел. Пилил, пилил и отпилил его. Сук упал, а человек продолжал сидеть на месте спиленного сука.

Мораль: Карлсон может позволить себе и такую роскошь.

Вскочил Иван-царевич в седло и поскакал. И только на третий день скачки заметил, что сидит в седле, которое лежит на полу конюшни, а рядом бурый волк доедает его коня.

Мораль: прежде, чем скакать куда-то, накорми товарища. Тамбовского.

Мой меч — своя голова с плеч.

Мораль: дурная голова и своим дурным рукам покоя не дает.

Голова — хорошо, а три — лучше.

Мораль: если рубите, отрубайте все три головы.

На овощехранилище вначале сгнили огурцы, затем помидоры, потом капуста и т. д., и т. п.

Мораль: каждому овощу — свое время.

В первом классе изучали умножение на единицу, во втором — на два, в третьем — на три... в десятом — на десять. Умножение на сто...

Мораль: век живи — век учись и выучишь умножение на сто.

Голому королю портняжки меняли одно платье за другим — и все восхищались нарядами.

Мораль: во всех ты, душечка, нарядах хороша.

Электрик полез на фонарный столб заменить перегоревшую лампочку. Мимо него вдруг пролетела стая напильников. Электрик, забыв и про лампочку, и про столб,

обеими руками хотел захватить как можно больше этих самых напильников и... И полетел вверх тормашками на землю.

Мораль: на чужой каравай (т. е. на напильники) рот не разевай.

Один древний грек захотел обхитрить самого Прокруста и лег к нему в кровать в специально сделанных протезах. Но в тот день Прокруст проснулся не в духе и решил укорачивать не со стороны ног, а со стороны головы.

Мораль: и на каждого хитроумного древнего грека всегда найдется болт (т. е. Прокруст) с левой резьбой.

Один Чел все время падал и набивал себе всюду шишки. Чтобы покончить с этим безобразием, он везде расстелил соломы и перестал, падая, набивать шишки. Но однажды он упал в глубокое озеро и, не смотря на то, что и озеро было все в соломе, Чел утонул.

Мораль: на соломку надейся, но спасательный круг и бронежилет всегда держи за пазухой сухим.

Икар подлетел близко к солнцу, воск на его крыльях растаял — Икар упал на землю и разбился.

Мораль: камикадзе парашютов не берут.

В детской задачке на сообразительность говорится, что на березе растут яблоки и т. д., и т. п.

Мораль: правильно говорится, если за дело взялись юные мичуринцы — и на березах, и на дубах, и на Марсе будут яблоки расти.

Ехала по дороге машина, ехала, ехала и заглохла. Стала на середине дороги. Пробка образовалась. Никто не знает, что делать с заглохшей машиной. Вдруг, откуда ни возьмись, подходит наш Чел. Глянул на машину, дунул-плюнул, что-то крутанул — завелась машина. Поехала машина с Челом. Рассосалась пробка.

Мораль: на каждую хитрую пробку найдется наш Чел с левосторонним штопором.

Другая мораль: без Чела всякая машина — грудa металла.

Шел грека через реку.

Видит грека — в реке рак.

Сунул грека руку в реку —

Крокодил за руку хватать.

Мораль: не можешь отличить рака от крокодила, не суй в реку руку, даже если ты — грек.

Однажды лебедь, рак да щука... а воз и ныне там.

Мораль: прежде, чем взяться за какое-то дело, сообрази на троих, сгоняй в магазин и воз сам сдвинется с мертвой точки.

Андрей Шендаков

(г. Орел)

ПЕРЕПОЛНЕННАЯ ЧАША

(рассказы)

Андрей Игоревич Шендаков родился 22 июня 1978 года на окраине г. Болхова Орловской области. Стихи пишет с 12, прозу — с 20 лет. В 1999 году стал лауреатом районного поэтического конкурса, первое стихотворение было опубликовано в газете «Болховские куранты» в 2001 г. В 1996 году окончил училище, в 2001 — университет, а затем очную аспирантуру, в 2004 году защитил кандидатскую, в 2009 — докторскую диссертацию. Работал на селе, с 2004 года преподает в университете, в настоящее время — на должности профессора. С 2013 года — федеральный эксперт в научно-технической сфере.

Публиковался в журналах «Молодая гвардия» (2006, 2007, 2009—2011), «Наши современники» (2005, 2008), «Московский вестник» (2006), «Роман-журнал XXI век» (2004, 2009, 2010), «Огни Кузбасса» (2012), «Родная Ладога» (2012), «Стражник» (2013), альманахах «Орел литературный» (2006, 2008, 2010, 2011) и «Золотая строфа» (2011), газете «Российский писатель» (2009), сборниках «Симфония» (2006), «Зеркало Пегаса» (2008) и пр. Автор многих публикаций в газетах Орла и Орловской области (2001—2012).

Стипендиат Союза писателей России (2009), лауреат конкурса «Дети Солнца» (2006, проза), Всероссийского поэтического конкурса имени Сергея Есенина (2010), Международного поэтического конкурса «Золотая строфа — 2011» и «Золотая Строфа — 2012» (фирменные статуэтки в номинациях «Гражданская лирика» и «Стихи о любви», диплом в номинации «Стихи о поэте и поэзии»), Межрегионального литературного конкурса «Моя родная Русь», посвященного 125-летию со дня рождения Н. С. Гумилева (2011, проза), Всероссийского литературного конкурса-фестиваля «Хрустальный родник» (2012, г. Орел, I место).

Отмечен почетной грамотой и благодарностью департамента образования, культуры и спорта Орловской области (2010, 2011), дипломами Международных литературных конкурсов малой прозы «Белая скрижаль — 2011», а также дипломом Международного конкурса детской и юношеской литературы имени А. Н. Толстого (2012, за поэму «Русская дорога»). С краткими рассказами и стихами вошел в лонг-листы Международного конкурса «Славянские традиции — 2011» (Крым).

Автор сборников стихов «На высоком холме» (в авторской редакции, 2006) и «В старинном городке» (редактор М. В. Ганичева, 2011, книга вошла в лонг-лист Бунинской премии 2012). Член Союза писателей России.

МОЛЧАЛИВАЯ ВОДА

Южный порывистый ветер качал пушистую ольху, осыпая яркой пылью вздыбленную из-под снега землю, а на склонах холма застенчиво распускались бледно-желтые огоньки мать-и-мачехи. Пахло оттаявшей глиной, мхом, сырым хворостом, раковой корой и солоноватым дымком. Вдалеке, в густом весеннем мареве,

необозримо плыл горизонт, усеянный ворсинками рощиц, перелесков и придорожных аллей. Поле полого спускалось от асфальтной дороги до тернистых овражков на речном берегу, дыша паром, и это были не сотни, а километры, километры благодатной земли, ведь именно здесь, на девяти холмах, в двенадцатом веке славянские племена срубили деревянную крепость: набегавшие орды кочевников выдавали себя пылящимися хвостами за пятнадцать верст.

Став на склоне одного из этих холмов, Андрей Булавин гордо осматривал окрестности и находился в весьма доброжелательном расположении духа, поскольку шел в гости к своей бабушке, Полине Михайловне, а она-то наверняка побалуует его на Пасху пирогами из русской печи. Внизу, вдоль широкого луга и прибрежных домиков, отгремев и отрыдав глыбами льдин, еще стояла молчаливая речная вода; за оврагом, в просини жидких берез, белели стены монастыря...

Наклонившись и шагнув в дом, Андрей обнял Полину Михайловну, сел к окну, осмотрел печь и знакомые с детства стены, но вдруг, точно судорожная молния, пронизала его дрожь.

— А икона где? — спросил он, резко встав из-за кухонного стола и подбежав к пустому углу.

Иконы не было... Сидя на табурете, Полина Михайловна отвела в сторону взгляд, спокойно прижала ладонь к ладони, опустив их в подол старого платья, и тихо, почти обреченно сказала:

— Да старая она была уже... Червяки ее начали грызть. Чтоб совсем не загиблась, я ее и продала...

— Но ведь ей цены не было... — растерялся Андрей, кусая обветренные губы. — Она ведь из твоего старого дома?..

— Видать, из него... была, — равнодушно ответила Полина Михайловна, словно что-то скрывая, а скрывать было что.

Оказалось, что Николай, младший брат Андрея, уже давно выставлял ее на каком-то сайте для продажи и просил двести тысяч рублей. Покупателя долго не было, а брат нигде не работал и старательно выуживал у Полины Михайловны пенсию. Она занимала у соседей, даже голодала из-за этого, но все повторялось: деньги Николай снова кланчил то на пиво, то на сигареты, то на дискотеку.

«Как же так? — думал Андрей, уединившись в коридоре. — Апостолов Петра и Павла не стало... А ведь я еще в детстве молился возле них, когда болел. Славил Христа на Рождество. Выходит, что моя семья предала Бога... Да ведь икона, несмотря на свою древность, была в идеальном состоянии...» Ему уже не хотелось ни пирогов, ни самодельного вина, а лишь — правды; и он снова подошел к неразговорчивой Полине Михайловне, медленно обо всем ее спрашивал, кусал губы, клял себя за то, что не уберег икону.

Выяснилось, что купили ее какие-то заезжие мужички. Конечно, они — психологи. Конечно, они знали способы и манеру уговоров для одинокой старухи, лишенной, к тому же, последних копеек, и она продала икону. Но почему у нее не хватило сил отказать? Может, потому, что не хотела она, чтобы Николай поживился этой святыней, поскольку сильно он обижал Полину Михайловну, даже кричал и угрожал. Не верил Андрей, что бабушка, яро молившаяся в церкви еще несколько лет назад, вдруг усомнилась. Здесь было что-то еще, ведь и не чувствовала она себя виноватой.

— Поколение “next”... Выродки!.. — дико ругался самостоятельный Андрей, высказывая матери претензии о воспитании брата. — Довел старушку! Все деньги у нее выскреб. Икону продала!.. А вы, вы-то куда смотрели?.. Я живу в чужом городе и приезжаю к вам раз в полгода, но вы, вы... знаете что?.. Прекратите жить в разладе! На работу этого бездельника устройте! Семейная дружба утрачена...

Но скоро горячность Андрея ослабла, он накинул сероватый, линялый плащ, прихватил несколько черно-белых снимков и поехал в милицию, к знакомому следователю, однако тот прямолинейно и опытно сказал, поправляя на лбу фуражку:

— Вряд ли что-нибудь получится, потому что, во-первых, икона продана, как я понимаю, добровольно, да и дело, во-вторых, со старухой связано, а у них, вы знаете, на часу сто перемен... Я не думаю, что она захочет этих поисков. Если бы икону украли, то это было бы другое дело. А потом, по той фотографии, где икона попала в кадр, сложно будет ее идентифицировать. Слишком размыто изображение, да и мало ли подобных икон было на Руси написано. Это, сразу ясно, не Рублев, девятнадцатый век, судя по всему, а может быть, и начало двадцатого... Сложно, нереально...

Конечно, фотографию иконы можно было отыскать и на том сайте, где она без толку провисела почти два месяца, но Андрей понял, что никто с ним заниматься не станет, не до «сомнительных» святынь дело... И он всерьез заинтересовался историей, перекопал все домашние книжные полки, исколесил районные и областные библиотеки, вечерами сидел в архивах, разыскал даже некоторые корни своей родословной, узнал многое о храмах, православии и, конечно, об иконах. Оказалось, что это был весьма и весьма ценный экспонат, за который многие коллекционеры не пожалели бы и полмиллиона рублей, а за рубежом — и того более.

Суть состояла в том, что монахи «обретали» подобные иконы и в других городах, но только на них изображались разные апостолы. Подразумевалось, что иконы после написания будут собраны в одном храме, но этого так и не случилось, а теперь, когда почти все иконы-сестры находились в частных руках по всей стране, воссоединить их и вовсе стало невозможным. «Как же так,— снова тяжело думал Андрей, засидевшись в архиве,— выходит, что растасканы святыни — где мошенничеством, где воровством, а где, может быть, даже и убийством. Выходит, что Русь современная по-прежнему не собрана в одно, целое государство, горит наша земля, пропадает в огне междоусобиц. Каждый пришелец теперь — царь, каждый пеший — бог, каждый путник — враг...»

Эти мысли наводили на Андрея глубокую, непроглядную пелену. Он задавал себе многие вопросы, но не мог на них ответить. Он вдруг погрузился в толщу, в океан, который засасывал его воронкой ко дну, глубоко — на тысячи лет, на миллионы событий и дат. Булавин подробно изучил историю убийства язычниками проповедника Кукши, смутное время, татарские набеги. Явственно он представил себе дохристианский город неподалеку от тех холмов, по которым он ходил почти двадцать девять лет, а ведь, наверное, из той древней общины люди и переселились в город, срубленный в двенадцатом веке, да не где-нибудь, а на одной долготе с Иерусалимом...

Когда в начале августа Андрей вдруг захворал и попал на операционный стол, то семья Булавиных сильно заволновалась, восприняв это как тревожный знак, посланный с неба. Придя в сознание, Андрей и вовсе огорчил своих родственников поспешной мыслью:

— Вот... Икону продали, а Господь теперь нас наказывает. Это пока только цветочки...

Все нипочем было только Полине Михайловне, и, после возвращения из больницы, Андрей снова приехал к матери, чтобы расспросить у нее об иконе, о том, откуда она все-таки взялась, праведен ли путь ее приобретения.

— Знаешь,— неохотно призналась мама,— когда ты был еще совсем маленьким, я работала художником-оформителем на заводе, а тогда мы все были комсомольцами и атеистами, безбожниками. Думаю, что и сейчас мы не слишком сильно изменились... В общем, я упражнялась в рисовании портретов, а мой товарищ, Гришка Сенин, мне на день рождения эту икону и подарил, чтобы я смогла нарисовать... святого.

— Так вот откуда те альбомчики, которые я находил в детстве,— удивился Андрей, немного обрадовавшись проявлению истины,— но, знаешь ли, твой святой не был похож ни на апостола Павла, ни на апостола Петра... Ты прятала эти альбомчики, поскольку в одном из них четко вырисовывался портрет Николая, последнего царя...

— Ой... Я теперь и не знаю,— отвернулась мама, покраснев от стыда.— Ну, может, это был какой-то другой царь.

— Да один к одному — Николай II, мама, не смей меня,— улыбнулся Андрей над бывшей комсомолкой-«монархисткой». — Ты рисовала его в лике святых, мама... Ты хоть представляешь, что ты делала?.. — еще сильнее удивился старший сын. — В лике святых его ведь только теперь прославили... А-а-а... — подняв палец, продолжал он, — я догадался: Кольку нашего ты тоже в честь царя назвала...

Ответ не прозвучал, и, разузнав некоторые подробности, Андрей поехал к Гришке Сенину, отыскал его дом, постучал в калитку и увидел на пороге уже лысоватого мужичка, опрятно одетого, с приглаженной бородой, пестрящей по краям, словно алюминиевая пластина. Без намека можно было сказать, что он не врач, не крановщик со стройки, не учитель, а именно — инженер: что-то было в нем немного романтическое, творческое, не было врачебной замкнутости, рабочей грубости и учительской назидательности.

— ...Да-да, икона, помню-помню,— сказал он, закурив сигарету и блеснув серыми глазами, так, словно в этот момент опрокинул стаканчик,— эта икона принадлежала моему деду, он был чекистом, взрывал церкви, а то, что удавалось припрятать, приносил домой. Так и эти апостолы у нас оказались, да много у нас икон было...

«Так я и знал,— думал Андрей, глядя сквозь стекло автобуса на бегущие за окном поля,— путь иконы был преступным. Многие молились возле нее, те, кого вскоре не стало: кого убила революция, кого война, кого лагерь, немецкий или советский — разница теперь невелика: сущность у лагерей была одна — дьявольская...

Но история молчала, скрывала подробности своего туманного потока, икона тоже молчала, даже перед такими честными людьми, как Андрей; тем более, она уже давно была где-то далеко, а может быть, совсем рядом — для души и прозрения нет расстояний. Но во всей этой истории тупик все-таки был: не мог Булавин смириться с пропажей и осознать первопричину исчезновения... Лишь в церкви он обо всем догадался, подкрепив свои размышления словами священника.

— Что я могу сказать?.. — перебирая четки, нахмурился рыжебородый батюшка. — Икона не должна висеть без пользы в углу, она требует, чтобы возле нее молились; чтобы в человеке шла постоянная духовная работа, ибо икона подобна ребенку: если ее бросишь, найдутся те, кто приютит... Вижу я, что попала эта икона в добрые руки, к людям, которые будут ценить ее так, как она этого заслуживает...

Андрея еще беспокоили унылые сомнения, к честному ли человеку или в храм попадет икона, а не будет ли продана за границу, к каким-нибудь пустоголовым потребителям попкорна. Но вскоре он окончательно успокоился, увидев по телевизору сюжет, где видный российский политик — не будем называть его фамилию — подарил икону православному храму в Тверской области. Андрей услышал, что икона — работы неизвестного мастера, начала девятнадцатого века, и узнал, узнал ее, а может, внушил себе, что это была именно та икона, из дома Полины Михайловны. Сердце Андрея успокоилось, ведь если, как он думал, политики даже кремлевского ранга помогают восстанавливать церкви, хотя и рисуются перед народом, то, может быть, собирается Русь воедино, не свергнут ее в ад новые монголы, идущие с Запада и Востока, воскреснет праведник Кукша, будет много золы, а душа — спасена...

Сев у окна, Булавин задумался о том, что современные люди — точно пришельцы из прошлого, с теми же проблемами, сущностью и отношением к религии. Он

простил и Полину Михайловну, и брата, но понял и еще одно: что многое повидала на своем веку Полина Михайловна, перетерпела — и войну, и голод, и каторжный труд, и смерть мужа, и одиночество, и издевательство внука. И настал тот момент, когда она уже все замолила, все грехи и все помыслы, и поняла, прозорливо почувствовала, что не нужна ей больше икона, никто не нужен: ни царь, ни Ленин, ни Бог; она сама по себе — одинокая русская старуха, чья духовность, может быть, не слабее, чем у Святого Духа.

От этой мысли Андрею Булавину стало жутко, не по себе: словно языческий идол, смотрела в окно луна, вешая голубые лоскутки лучей на облепиховый куст, и копыя сухого орешника чертили небо... В ноябре он снова приехал к родителям и навестил Полину Михайловну, долго стоял на берегу, смотря на спокойные воды осенней реки, которую по берегам сковывал первый ледок. Андрей долго шел по течению, а вслед за ним, скрывая тайны Бытия, текли и мироточили придорожные звезды — иней на земле и роса на небе. Нет, еще много скрывает в себе русская душа... Она молчит, но — видит Бог! — еще не один раз хлынет бурным весенним потоком.

ПЕРЕПОЛНЕННАЯ ЧАША

В столярном цеху, где работал Игорь Сергеевич Плотников, с утра было шумно: гремели станки, звенели пилы, бревна с громом падали на вагонетку, стружки летели во все стороны... Бригаду вдохновляло то, что после обеда — получка, которая, к тому же, выпала на пятницу. А это значило, что после смены можно будет заглянуть в кафе или к старым знакомым. Наступил перерыв, и мужики, стряхивая опилки со спецовок, стекались в курилку, чтобы посудачить и «забить козла».

— Думаю, в конце года мы получим премии,— садясь за стол, выдохнул пожилой Игорь Сергеевич,— работаем мы исправно...

— А раньше как было? Давали?..— с интересом спросил Иван Федотов, самый молодой в бригаде столяр.

— Раньше, Ваня, все иначе было,— грустно ответил Плотников, доставая из сумки буханку серого хлеба,— и слов не хватит всего рассказать... За живое ты меня взял.

— Ладно, Сергеич, расскажи,— подхватил Федотов,— я ведь тоже не все помню! Интересно нам.

— При советской власти получал я 280 рубликов в месяц,— начал Игорь Сергеевич, дымя папиросой.— Для сравнения: хлеб тогда стоил 20 копеек, и мог я купить на свою зарплату 1400 буханок, а теперь — только 240... Так что получать за нашу работу мы должны в пять-шесть раз больше, и работаете вы, ребята, почти даром...

Молодые лица напряглись, пепельница наполнялась окурками, но Иван не унимался:

— Сергеич, а демократия сейчас есть? Что ты думаешь?..

Пригладив реденеющие волосы и темно-пепельные усы, Игорь Сергеевич нахмурился и натруженно сказал:

— Нет... Что такое демократия? Это власть народа, когда группа людей, рабочих или крестьян, может устанавливать свой порядок, как в семнадцатом году... Власть народа всегда сопровождается анархией, а сейчас анархия происходит от наших политиков и депутатов, олигархов и бандитов, министров и банкиров. Я даже слово новое недавно в газете вычитал — «охлократия», то бишь попустительская власть подонков, по-гречески...

— Ты хочешь сказать, что теперь нами правят подонки? — уточнил Федотов, дымя сигаретой.

— Если слушать Жириновского, то такое впечатление бывает... Но не совсем так...— умно выговаривая слова, ответил Игорь Сергеевич.— Кое-что изменилось, хотя и простому работяге продохнуть по-божески не дают, давят низкой зарплатой... Что мы сейчас собой представляем? Сколько раз уже народ в России ошибался — то с революцией, то с Горбачевым, то с Ельциным. Устал народ морально, ни во что не верит, ничего не просит, не требует. Надо, я думаю, страной иначе руководить: кабинет рабочих и крестьян, кабинет ученых, кабинет работников искусства и культуры... И чтобы каждый кабинет в решении государственных вопросов держал ответ... А нет, так надо, как во Франции!

Задумавшись, мужики опустили головы и только молчаливо сопели, пуская сизобежевый дым. Вскоре едкое облако повисло над столом, окутало пеленой углы, в которых стояли лопаты и грабли. Заляпанная красной краской монтировка лежала на подоконнике среди пустых бутылок и стружек, огромная конусовидная чаша, переполненная опилками и древесными отходами, висела на мазутных тросах. Леденящим копьём чёрный от угля лом был воткнут в плотный грунт возле стены. Над дверью напряженно гудел тумблер, словно жук перед взлетом, и одинокая муха истерично билась в пыльное стекло. Захлопав крыльями, горлица вспорхнула над стальными перекрытиями цеха: за стеной раздались шаги.

— Так,— высокомерно просипел худощавый инженер, вынув из кармана и поднеся к лицу наручные часы,— прохлаждаетесь?.. Уже пять минут рабочего времени просидели... В общем, так: сейчас вы бросаете свои сигарки, вывозите тес для погрузки, а затем у нас будет уборка территории. Приказ директора: к 4-му ноября должен быть порядок!..

— Ого! — возмутился Плотников, подняв густые брови и растоптав окуроч,— как в былые времена...

— А зачем праздник-то перенесли, Сергеич?.. Я лично не совсем понимаю,— продолжал задавать вопросы любопытный Иван.

— Думаю, Ваня, по нескольким причинам,— взяв метлу, ответил Игорь Сергеевич,— во-первых, 7-е ноября отмечать теперь нашим политикам совестно, народ и вовсе, кроме ярых ленинцев, этот праздник за праздник не считает: не верит больше народ ни коммунистам, ни тем, кто эту идею предал. Во-вторых, стыдно вроде бы нашим политикам от своей истории совсем отказаться. Вот и нашли они удобную дату — день изгнания поляков из Москвы. Но и здесь не все так просто. Дело в том, что Польша — слабое звено в дружбе с Россией. И эту слабость на полную катушку используют сейчас США: в Варшаве, между прочим, есть секретный отдел ЦРУ. Он организывает цветные революции или, по крайней мере, пытается. Патриотично настроенные поляки под эту марку начинают бросать в наш огород камни. А 4-е ноября — это для них напоминание, что, мол, шведов били, немцев били, а вас, горе-завоеватели, уже давным-давно на место вставили. Хотя обидно, что славяне недружно жить стали...

— А я так бы сказал,— внимательно выслушав, оживился вдруг Андрей Андреевич, пожилой электрик,— политики в нашей стране — ничто, пустое место: генералы ордена получают, депутаты яхты покупают, думают, что они — боги, цари и вожди... Ничего подобного! Советский народ — вот был царь! Народ, а не царь изгнал поляков из Москвы. Так что суть у этого праздника великая, но где же раньше были наши политики? Почему боялись вспомнить подвиги наши? Сколько побед у русского воина, да все они забыты, забыт народ у нас... Большая беда России — это нелюбовь к народу и человеку. Особенно, я скажу, к пенсионеру... Разве можно на мою пенсию нормально прожить?.. Наш, между прочим, директор в депутаты избирался и не прошел лишь потому, что выступал от «Единой России». Проголосовали за какого-то

проходимца: прикрыл он свой срам партийным билетом коммуниста... А нашему боссу, видите ли, страшно от коммунистической партии идти на выборы: из Москвы пришла бумажка, что, мол, главная партия — партия президента! Если же я не хочу за нее голосовать, то мне, по-вашему, в гроб ложиться?.. Вот вам и свобода выбора... Тьфу!.. Занимаются наши политики лицемерием: о народном ополчении говорят, а народ для них — скотина!..

— Сколько можно о нас ноги вытирать? — постепенно стала заводиться толпа.— Сколько можно мести?.. Уже время полочки, а мы — в пыли и на холоде!..

Из гаража долетел грохот: слесарь Ильин в сердцах бросил гаечный ключ на пол и, сдвинув картуз на затылок, подошел к рабочим:

— Все, мужики, бросай инвентарь, пошли за полочкой!

Но только толпа двинулась к конторе, навстречу из двери выскочил инженер и быстрыми шагами просеменил к Плотникову:

— Зарплаты сегодня не будет, а будет она четвертого числа, после того, как вы вернетесь с митинга!

— Нам еще и в митинге участвовать? — удивился Игорь Сергеевич.

— Бардак! — выругался Андрей Андреевич.

— Не имеете права принуждать!..— осмелел Федотов.

— Ничего не могу поделать: приказ главы района, а ему разнарядка спущена сверху — от губернатора,— проскулил инженер, дергая простуженным носом.— И еще: желательнее за субботу сделать транспаранты, ну, как в былые времена. Например: «Единая Россия!», «Слава российскому народу!» и что-нибудь в том же духе. У нас в актовом зале есть красная материя и белая краска, столярный цех сделает рукоятки, а маляры напишут лозунги!..

— Это нам еще и завтра на работу выходить?..— двинулся на инженера коренастый Федотов, сжимая кулаки.

— Стой, Ваня,— схватил его за рукав Игорь Сергеевич.— Все, ребята, баста! Пошли в цех!

— Что будем делать? — сев на тесину, спросил Федотов.

— Есть идея...— подняв указательный палец, хитро выпалил Плотников.— Пока наш директор на совещании, мы успеем.

В четвертом часу вечера черно-синяя «Волга» уперлась бампером в еловое бревно возле ворот, и, подтянув ослабшие подтяжки, из ее двери выкатился Анатолий Фролович Сеницын, руководитель этой строительной организации. Вытягивая из клетчатого пиджака толстую шею, он, словно холеный гусь, переваливался в сторожку, но из-за угла раздался истошный металлический крик:

— Где наша зарплата?..

Поджав колени, Сеницын грузно вломился в дверь конторы, сбил с ног уборщицу и, трясая животом, побежал по деревянной лестнице. Его вспотевшие ладони скользили по перилам, а за широкие штанины цеплялись крепкие пальцы слесаря Ильина:

— Не уйдешь от рабоче-крестьянского правосудия, перевертыш!..

Бывший коммунист Анатолий Фролович все-таки успел захлопнуть дверь перед разъяренной толпой, сел в кожаное кресло и, отдышавшись, потянулся к телефонной трубке, но замешкался, слыша сквозь удары в дверь:

— Мы на тебя в Европейский суд жаловаться будем! Уже заявление написали! Отдай зарплату, единоросс!.. единорог...

Набрав номер РОВД, Сеницын быстро положил трубку и, подойдя к двери, тихо, с притворством спросил:

— А в чем, собственно говоря, дело?..

— Зарплату, зарплату!..— стучали рабочие гаечными ключами в дверь.

— Леночка,— позвонив в бухгалтерию, сдался Анатолий Фролович,— выдайте этим тунеядцам зарплату...

Несмотря на устроенную забастовку, столярный цех в полном составе приковылял на митинг... Погода была отвратительной: лепил мокрый снег с дождем, ветер, выбивая слезы, пронизывал до костей, руки замерзали. Даже милиционеры отсиживались по углам, изредка показываясь на площади Ленина, но, когда вдалеке над сдвинутыми на глаза шапками вспыхнули, словно революционные гвоздики, лозунги, придуманные Плотниковым, лицо мэра районного города покрылось чешуей, и он, как рептилия, открывая беззвучно рот, читал:

«ДОЛОЙ ОЛИГАРХОВ!»
«ДОЛОЙ САМОУПРАВСТВО!»
«ЧУБАЙСА — ПОД СУД!»
«ГОРБАЧЕВА — К ОТВЕТУ!»
«ДАЙТЕ ЖИТЬ РАБОЧЕМУ ЧЕЛОВЕКУ!»
«ПОВЫСЬТЕ НАМ ЗАРПЛАТЫ!»
«СДЕЛАЙТЕ ВЫШЕ ПЕНСИИ!»

Весть о нелицеприятных лозунгах дошла до губернатора, побродила в умах чиновников и вылилась в обыкновенную отписку: «Виновных наказать. Ко Дню народного единства относиться серьезнее».

Через две недели Плотникова позвал инженер и о чем-то пролепетал на ухо. В его голосе мужики четко расслышали: «На ковер...» Так и вышло: Игорю Сергеевичу предложили уйти на «заслуженный отдых», вручили грамоту, премию в пятьсот рублей. И проводили...

Теперь он мастерит в своем стареньком гараже рамы и двери на заказ, по воскресеньям ходит к другу «забить козла», а 4-го ноября достает из подвала банку соленых огурцов и бутылку рябиновой настойки, выпивает рюмку и катает внуков на барашках.

— Господи,— обмолвился он однажды в семейном кругу,— как порой мало нужно человеку для счастья...

Том Нойер
(г. Москва)

КЕЛЬНЕР

Наш постоянный автор.

Было промозгло и ветрено. Стояла пасмурная обстановка. Вечерние сумерки звенели холодной тишиной, и только пустые жестянки из-под тушенки, колыхаясь, брякали о колючую проволоку. С французской стороны тоже не было ни шороха. Такое затишье бывало страшнее боя и перекрестного огня, от него веяло напряженной неизвестностью. Но человек, как известно, такая тварь божья, что со временем привыкает ко всему. Особенно солдат.

Они сидели бок о бок, окопавшись в бруствере, укутанные в этом гнетущем безмолвии Западного фронта, когда один закурил, откинув винтовку на плечо и сказал:

— Как думаешь, Отто, они сейчас смотрят на нас?

— Ну а как же? Мы на них, а они на нас. Ты рукой-то прикрывай бычок от греха, Берд, вечереет.

— Странно как-то: еще недавно, если на меня смотрели лягушатники, то только сквозь пенсне, а теперь-то через бинокль или прицел.

— Каких-то несколько месяцев назад я лично гнул на металлопрокатном заводе. А с «картавыми» пересекался, помнится, в двадцать втором, когда мне пришлось продать за бесценок этим чертовым туристам старинные золотые часы, чтобы прокормить семью. И смотрели они на меня, я тебе скажу, как на падаль!

— Вы склонны к обобщению, гефрайтер Вольцоген,— сказал Берд с легкой улыбкой.— Хотя, конечно, время было еще то.

— Дело не в обобщении, просто нынче, как и всегда, обстоятельства связаны с людьми, а люди с обстоятельствами. Кстати, а почему ты не на кухне?

— В смысле? Я ел час назад вместе со всеми — ночная вахта длинна...

— Да я не про то. Я вроде слышал, ты в общепите работал до войны?

— Ааа, ты про это. Так я был кельнером,— ответил Берд, сплюнув соринку табака.

— Хэх, ну да — нас тут в обнос не обслуживают. Знаешь, а ты не очень-то похож на официанта.

— Обстоятельства, Отто, как ты говоришь. Обстоятельства... Я же не всю жизнь был кельнером. Когда-то я вообще хотел стать юристом — мне это казалось тогда таким увлекательным, я видел себя успешным человеком, открывшим свое дело. Теперь так забавно вспоминать этот пыльный параграф своей молодости. Я тогда был так юн, так наивен, что, похоже, даже счастлив. Тогда казалось, что все дороги открыты, что все еще впереди...

— Может, расскажешь? Смена придет только под утро...— сказал Отто, повернув голову на товарища. Он знал, что разговоры отвлекают и помогают скоротать ночь.

— Ну что, закончил я реальную гимназию, даже с отличием,— начал Берд свой рассказ.— Особенно хорошо мне давались точные науки. Затем поступил на юридический. Денег постоянно не хватало — на учебу и вообще на жизнь, хотя отец порой помогал мне, пока не переехал в Швейцарию. Оттуда тоже первое время присылал деньги и письма, но потом мы потеряли связь.

— Подожди, Берд, что-то не пойму, а как же твоя мать?

— Мать всегда снабжала меня самым необходимым: едой, одеждой и побоями. Она считала, что я ей по гроб жизни обязан за то, что она меня взрастила. И постоянно напоминала мне об этом.

Помню такой случай, когда я был маленьким. Мы шли с ней из зоопарка, у ограды которого на холодном тротуаре сидела безобразная цыганка. Вокруг нее вился маленький бродяжка — ее сынок, которому достался крендель, и он приговаривал: «Мамочка, мамочка, как вкусно! Какая ты у меня хорошая, давай скушаем вместе?» Моя мама меня отвела чуть в сторону и при прохожих, показывая пальцем на цыган, сказала: «Вот видишь, этот чурбан и то любит свою опустившуюся мать, не то, что ты — избалованный паршивец!» Она была строга, но многому меня научила — многое из того, что я знаю, я получил от нее; остальные уроки дала жизнь.

Но я ни в чем ее не винил и любил своих родителей такими, какими бы они ни были. Просто мать ненавидела отца и все, что с ним связано. Она считала, что он испортил ей жизнь, а я был очень на него похож, как внешне, так постепенно и по характеру. Они развелись, когда я был еще в младших классах, будучи неплохими людьми, но плохой парой. Они постоянно ссорились, сваливали дела друг на друга. Дошло до того, что однажды забыли меня в детском саду. Перепуганные они приехали на квартиру к воспитательнице — фрау Шнайдер. Она была очень доброй женщиной: сначала отвела меня к нам домой, но на звонок в дверь не ответила — никого не было дома, тогда она написала записку и забрала меня к себе, где я поиграл с ее детьми.

Позже с отцом мы виделись каждые выходные, ходили куда-нибудь — в цирк или на футбол. Но лет пять спустя он познакомился с одной швейцаркой и теперь живет с ней в Цюрихе. Он и после этого присылал мне подарки или карманные деньги, один раз мама меня отпустила к нему в гости на каникулы. Тогда я узнал, что у меня есть маленькая сестренка и скоро будет еще братик, но с ними я сейчас не общаюсь, да и с отцом связь оборвалась.

Но к счастью благодаря старым знакомым отца, мне чудом удалось найти работу в Рейхсбанке, гдегодились мои математические способности. С утра я отправлялся в контору и затем погружался в суету среди таких же мелких клерков, а вечером спешил в университет, взяв часть отчетной работы на дом.

Период учебы в университете мне запомнился знакомством с Урсолой, которая позже стала моей девушкой. Мы познакомились на танцах в городском саду. Она была постарше и училась в женской гимназии в другом районе города, на противоположном берегу реки. Вечером я садился на трамвай, порой сбегая с последних занятий, проезжал несколько остановок, и мы проводили время вместе допоздна, гуляли в парке или бродили по мосту. Я даже мог позволить себе сводить ее в кафе или кино в отличие от своих сокурсников, например.

Вскоре я понял, что юрист из меня получится так себе и бросил учебу, перейдя на полный рабочий день. Мы все находимся в постоянном поиске и все мы достойны чего-то большего, однако, не каждому из нас удастся встать на нужные рельсы. К тому же, мужское удовлетворение ходом событий, столь же скоротечно, как и

мужской оргазм, впрочем, неудивительно, что так же справедливо бывает и обратное, относительно женщин. У нас в отделе работало несколько женщин, которые, как мне кажется, были столь увлечены своей работой, что она им даже нравилась. А мне не то, что не нравилась — работа, может, и нудноватая (хотя, сдается мне, не такая тяжелая, как у вас на заводе), но и пойми, не каждому по душе сидеть в офисе на одном месте.

Я иногда отправлялся присесть после работы за кружкой пива в баре неподалеку, размышляя про себя о жизни и по поводу других профессий: вот те же курьеры и посыльные, которые нам доставляли цветы или обеды, бегают и в дождь и в жару — тоже работа не сахар.

Словом, моя работа явно не делала меня счастливым, но она и не была в тягость. Я к ней привык, к коллективу тоже — я и не любитель резких перемен.

Однако перемены иногда происходят независимо от нас. Однажды вечером Урсула довольно будничным тоном объявила мне, что, похоже, беременна. Первое, что я смог из себя выдать было слово «забавно»...

Раньше мне казалось, что эта новость станет для меня самой счастливой на свете, и я буду замечательным отцом. Но когда назрела вероятность этого самого отцовства, мне стало как-то не по себе, и я нес всякую чушь, мол, «ты уверена, что ребенок от меня?», от чего мне самому было противно. Мы на пару понимали, что эта ситуация выглядит катастрофически, и оба не знали, что нам делать.

Все усугублялось тем, что ее родители меня и так явно недолюбливали. Наверное, не воспринимали в серьез, раз я был младше нее и забросил учебу ради работы, но почему они не думали о том, что у меня не было выбора? Родители всегда хотят для своих детей как лучше, но порой выходит совсем наоборот.

В общем, в итоге выяснилось, что у нее была задержка из-за какой-то там проблемы с женским здоровьем, и что я вовсе ни при чем, но отношения наши стали натянутыми.

В банке тем временем прошел слух о грядущей инфляции. Это явление было в новинку для всех обывателей. У нас же в отделе были нехорошие предчувствия. Я стал замечать, как постепенно поднимались цены на все, включая мою дежурную выпивку. Тогда казалось, что это явление временное и вскоре подорожание остановится. Но оно не остановилось, цены все стремительнее взлетали. В банке работа велась ускоренными темпами, она превращалась в ад. Деньги обесценивались, номиналы купюр постоянно росли, и голова пухла от бесчисленных нулей.

Некоторые люди, включая Бастиана, моего знакомого — хозяина бара “DF”, в который я все время ходил, стали небольшими нумизматами. Я просил своих коллег из отделений банка в других регионах прислать мне их нотгельды* и помогал тем самым пополнять его личную коллекцию. Там были простые банкноты на бумаге или картоне, но попадались и настоящие раритеты, напечатанные на алюминиевой фольге, шелке, коже, керамике.

Правда это продолжалось не долго — цена почтовых марок тоже росла, как на дрожжах. Обычные же деньги менялись так быстро, что их едва успевали печатать, и тогда Бастиан решил украсить барную стойку обесценившимися купюрами, которые

* Нотгельд (нем. *Notgeld* — *вынужденные деньги*) — деньги чрезвычайных обстоятельств, специально выпускаемые различными органами местной власти, а также неправительственными организациями Германии и Австрии. Являлись эквивалентом национальной валюты в связи с кризисом и гиперинфляцией в период 1914—24 гг.

превратились, по сути, в бумагу. Ты, наверное, сам помнишь. Скажем, буханка ржаного хлеба, стоившая до первой войны 29 пфеннигов, к весне 23-го года продавалась более чем за 400 миллиардов марок!

Пришло время, когда государство стало сокращать количество служащих. Часть предприятий законсервировали, какие-то сменили профиль, например, мебельные фабрики стали выпускать спички, а промышленность постепенно переходила на военные рельсы.

Вскоре эпидемия увольнений докатилась до Центрального банка, и коснулось конкретно нашего отдела. Тогда часть из нас, включая меня, оказались на улице. Сказать, что я был подавлен — это не сказать ничего. Я был в отчаянии! Потерять работу само по себе малопривно, а в такой кризис — просто катастрофа. Жизнь превратилась в кошмар, просыпаться от которого буквально было и того хуже. Докуриваю вечером пачку сигарет, а наутро она же стоит тех денег, на которые вчера можно было купить блок!

Дворники, убирая улицы метлой, сметали кучи обесцененных купюр, которые самые отчаянные выбрасывали прямо на тротуар — и никто их не пытался поднять и собрать. Деньгами топили печи, потому что деньги были дешевле дров, ими оклеивали стены — они были дешевле обоев, деньгами играли дети — деньги были дешевле игрушек, деньги, деньги...

Мы все вдруг превратились в игрушки. Меня охватывал ужас, я был теперь один. Я к тому времени жил отдельно от матери, помогал ей, как мог, но возвращаться мне не хотелось. У отца я бы не решился просить помощи из принципа. Получилось так, что мне было не на кого рассчитывать. Я не спал, я, будто сидел на пороховой бочке, заканчивались последние деньги, а мои скромные сбережения превратились в прах...

Я пытался найти другую работу, но это оказалось как никогда сложно. Мало того, что я привык работать головой, а не зарабатывать руками, но и найти даже тяжелую работу нелегко, когда ее ищут помимо тебя более трети от общего числа рабочих, сокращенные на различных производствах. Особенно после роспуска профсоюзов при Гитлере.

Но, в конце концов, выживает ведь не сильнейший, а самый приспособленный, правда? Вон — динозавры были самыми сильными на свете, пока не получили «привет» от любящей Вселенной. А всякие там черепахи, тараканы или кто там еще? Они выжили, до сих пор существуют, и после войны будут жить и всех нас еще переживут...

Отто вытянул руку, сорвал травинку и прикусил ее, глядя в одну точку и задумчиво нахмуриваясь.

— Эй, ты чего? Я тебя не хотел обидеть — ты парень здоровый, видно, что горбом зарабатывал, но...

— Перестань, Берд, я понимаю, что ты имел в виду. Тут ты прав,— кивнул Отто.

— Это не я придумал — Спенсер, кажется, но в тот момент меня это осенило на яву.

— Да, хорошая мысль. А мы, когда были детьми, помню, спорили, кто сильнее — кит или слон?

— Ха, да что-то такое припоминаю: и у нас в детском саду, точно-точно.

— А помнишь, еще сказка какая-то была: там злодею дали выпить обычный стакан воды, но при этом, сказали ему, что там яд? Должно быть, выживает тот, у кого есть желание жить...

— Да, Отто, я и хотел сказать, что физическая сила тут ни при чем.

— Не знаю. Мы, похоже, уходим от темы, но тебя разве никогда не били? Хотя бы в детстве...

— Конечно, перепадало иногда, но хитрость тоже выручала. Ну, хорошо, сила тоже важна, только она не на первом месте. Я все же, вначале говорил в широком смысле слова, скорее даже о силе духа. Должен быть у человека какой-то внутренний стержень.

Вот знаешь, есть такая бесславная мужская черта: глубоко переживать потери, особенно это касается работы, сокрушаться, напиваться допьяна, но почти не найти в себе сил что-либо предпринять... Я знал, что ни в коем случае нельзя опускать руки, нельзя сдаваться, что надо браться за ум, а не хвататься за голову. И я пытался уцепиться за все возможные варианты, даже самые навязчивые — такие, как ставки на скачках, но все тщетно. В паре мест мне и вовсе не заплатили.

Что ни говори, а работа для человека, для мужика — это все. И не важно, опять же, физическая она или умственная, работа — это его идея, смысл, одна из важных составляющих бытия, такая же, как дом и семья. Без работы чувствуешь себя ненужным и беспомощным, становишься сам не свой — естественно, если ты не законченный пьяница или лентяй, хотя такими и становятся опять-таки при отсутствии работы или, если хочешь, от ее недостатка в том числе. Потребность в работе и самореализации начинает бить по самолюбию, и ты как бы гниешь изнутри. Утрачивается и способность к тому, чтобы как-то генерировать радость, искать ее в чем-то другом тоже.

Хорошо, если тебя при этом понимают близкие. Урсула все поняла — то ли по-своему, то ли ее мама ей нашептала. В общем, спуталась она потом с каким-то коммерсантом, и я о ней больше не слышал.

Я чуть не сломался, я не видел выхода, кроме того у меня стали накапливаться долги. Причем денег в долг уже не давали — отношения на рынке и попросту между людьми в городе перешли на натуральный обмен (например, соль стала твердой валютой).

В общем, что называется, все тридцать три несчастья сразу, как в том анекдоте про то, что жизнь полосатая...

Однажды, пытаясь побороть свои душевные тревожления, я заглянул в свой любимый бар — “DF”. Вообще-то, он называется “Doppelfilterung”^{*} по методу приготовления фирменного барного пива Бастиана, отсюда и название. Немного выпив, я решил поговорить с самим Бастианом, спросить у него насчет работы, чем черт не шутит?

Он, конечно, меня узнал как завсегдатая. Бастиан сказал, что в принципе дела идут не так уж плохо, народ заглядывает, что мол, сейчас большинство людей во многом себе отказывают, но пить и гулять будут во все времена — от радости или с горя, тем более, что и в данном положении находятся те, кто умудряется сколачивать состояние. Мне понравился его оптимизм и, похоже, что не напрасный. Дело он свое знает, да и месторасположение у бара неплохое — в нескольких шагах от гостиницы «Метрополь». Человеком он всегда был деловым и отнесся к моему вопросу серьезно. Он сказал, что вряд ли доверит кому-либо вести дела, к сожалению, несмотря на мой опыт работы с бумагами — он занимается всем сам, поскольку его ресторан это чисто семейный бизнес.

— Ты немного опоздал — я мог бы тебе предложить поработать за барной стойкой, но уже буквально на днях взял еще бармена. Не обижайся, но я могу тебе предложить разве что вакансию кельнера. Тебе, по крайней мере, меню зубрить не при-

^{*} Doppelfilterung — двойная фильтрация (нем.)

дется,— улыбнулся Бастиан, прихлопнув меня по плечу — Вот хороший официант мне бы действительно не помешал.

Я кивнул. Меню я, конечно же, здесь знаю наизусть — это правда. И все же мне надо было немного подумать, хотя бы до следующего дня. Кельнер. Конечно, это было не тем, на что я рассчитывал — как-то даже унижительно, но других вариантов у меня попросту не было. Я расплатился и отправился домой, чтобы попробовать хорошенько выспаться.

Возле подъезда стояла карета скорой помощи. Я скользнул в парадную, пройдя мимо скучающего водителя. Резко, перепрыгивая через две-три ступеньки, преодолел первый пролет — такой у нас во дворе был в детстве маленький ритуал: бегом подняться до первого пролета до того, как закроется тяжелая дубовая дверь подъезда (не знаю зачем, на удачу, по-видимому, ну этот, как обязательно попытаться допрыгнуть до ветки, висящей над тротуаром). Успел — все, как надо. Я поднимался дальше, оглянулся на дверь и резко вытянулся вдоль стены, прижавшись к ней спиной. Меня едва не сшибло с ног столкновение с санитарями. Они спускались по узкой лестничной клетке, приподняв над собой тело. С носилок свисала, безвольно болтающаяся рука.

Я извинился, быстро спустился и придержал им уличную дверь. На носилках я узнал Шульца — соседа по коридору. На нем был затянут галстук, срезанный пополам, на котором он, по всей видимости, повесился.

Волна самоубийств накрыла город; печальная юдоль все чаще постигала обреченных людей в особенности из неблагополучных районов. В нашем квартале это случилось впервые.

На этаже на меня набросилась разнервничавшаяся хозяйка:

— Берд Ульман, хочу и вас предупредить: не вздумайте сводить счеты с жизнью в моем доходном доме, слышите?! В городе есть замечательный высокий мост, например!

Выспаться не получалось. На хозяйку я не обижался — кому понравится объясняться с полицией и носиться с человеком, у которого нет родственников?

Шульца я практически не знал и жалко, что я запомнил его не жизнерадостным, а таким вот — с выпученными глазами и длинным посиневшим языком. Я думал о нем и о том, что я, пожалуй, еще в силах побороться. Однако это не давало мне заснуть, к тому же стояла светлая ночь и смотрела на меня сквозь окно. Мне снова не удавалось заснуть, пока не минует за полночь. Часы отсчитывали час, два ночи, а я все ворочался, смотрел в потолок и на освещенную стену. Я стал считать, как в детстве, но досчитав до шестисот, перестал. Вскоре, наконец, выпивка дала о себе знать, изможденные взяли верх, покрасневшие веки отяжелели, и я уснул.

Встал я неохотно и с трудом. Чай кончился, и я просто попил воды из носика чайника. Подошел к зеркалу, в котором обнаружили мешки под глазами на усталом лице. Умылся, гремя часами об умывальник, потом по привычке решил побриться.

Я был в нерешительности, которая всегда сопутствует мыслям о новой работе в незнакомом месте и области. Какой я к черту кельнер? Пусть я дружу с этикетом — все-таки семья у нас была интеллигентная, хоть и не богатая, но почему именно я и официантом? Я думал о том, что отец вряд ли бы мной гордился, что профессия клерка все же была по мне более престижной, что ли. Наоборот, это я принимал курьеров и посыльных, а не обслуживал людей напрямую и не был ни у кого на побегушках, получая случайные подачки от жизни. Меня обуревали всяческие сомнения,

и я пытался настроиться, найти в своей будущей работе плюсы, оправдания, чтобы размежевать в себе малодушие и слабоумие.

Ну, положим, во-первых, мне не придется теперь готовить себе еду. Во-вторых, не нужно будет бриться каждое утро начисто, как до того — я хотя бы смогу носить бородку или отпустить бакенбарды — раньше мой шеф в банке почему-то относился к этому весьма щепетильно. К тому же, возможно, я смогу ночевать в подсобке и сэкономить на съеме жилья. Ну и, в конце концов, я буду иметь небольшое жалование в купе с чаевыми, на которые смогу прожить, ведь сейчас я почти на нуле. Да бывает и похуже работка, так что факты, безусловно, перевесили.

Без четверти десять я переступил порог “Doppelfilterung” и поприветствовал Бастиана. Он обернулся и подошел пожать мне руку:

— Ты все-таки пришел — рад тебя видеть, проходи. Что ж, я могу назначить тебе небольшой оклад, а в дальнейшем ты сможешь рассчитывать и на чаевые. Соответственно, чем быстрее освоишься, тем лучше. До открытия у нас около десяти минут, давай я тебе здесь все покажу.

Мы прошлись по всем помещениям, я увидел раздевалку, подсобку с чистящими принадлежностями, склад, линию раздачи, и собственно залы для посетителей. Признаться, я все открыл для себя заново — мне почему-то раньше и в голову не приходило наличие прочих помещений, хотя так, наверное, и должно быть. Давно знакомый бар теперь казался совершенно иным, я смотрел на него под другим ракурсом. Все осталось на своих местах, но теперь уже я находился как бы снаружи, на орбите — не сидел, расслабившись на стуле, а стоял у стены возле барной стойки, и все столики в немом пока еще зале, казалось, развернулись и, прижимаясь ниже к полу, уставились на меня, как на амбразуру. Я даже немного смутился.

Разве я мог тогда представить, что сейчас, сидя в промозглом окопе, я буду вспоминать ту свою неловкость с улыбкой, потому что она никак не вяжется с лишениями и тягостями солдатской службы? Но это будет много позже...

Первым делом Бастиан распорядился, чтобы я вымел тротуар перед входом. Потом выдал мне жилет и фартук (сорочку я одел пока свою), а так же блокнот и карандаш. Затем познакомил с напарниками по смене. Одним из них был почти такой же новичок, как я, бармен — кудрявый брюнет с тонкой бородкой. Звали его, не то Джафар, не то Джабраиль — у него были восточные корни, и никто сначала не мог запомнить его имя, пока Бастиан не предложил звать его для простоты — Джонни. Я боялся, что сразу не запомню и это имя, но потом заметил на стеллаже вдоль стены бара вместе с другими напитками бутылку виски John Jameson. Джон, Джонни — так было легко, а если надо было быстро обратиться к нему, то я сначала искал глазами бутылку и уже не запинался. Правда, болтали мы не так часто, потому что я плохо разбираю ломаный немецкий.

Общались мы чаще со старшей официанткой Штеффи — дамой средних лет, которая меня как бы взяла под крыло. Штеффи рассказала мне, как следует сервировать стол. Вместе с ней мы застелили скатерти и расставили на все столы солонки, разложили приборы и красиво сложенные салфетки.

Вскоре появились первые посетители. Один заказал яичницу-болтунью и кофе с выпечкой, а небольшая компания, явно продолжая давешнюю вечеринку, попросила пива. Смотреть за работой Штеффи было одно удовольствие — она плавно скользила между столиков, была доброжелательна и находчива, о чем я знал не понаслышке.

Что касается меня, то поначалу в мои обязанности входила, в основном, черно-

вая работа: протирал полы в коридоре, сносил грязную посуду в мойку и выносил мусор. Между делом я помогал Штеффи убирать столы после ухода гостей и сервировать их к приходу новых. Но самым главным было наблюдение за столами и гостями, чтобы убирать ненужную посуду и менять пепельницы или позвать Штеффи, если требуется.

В общем-то, первый день прошел довольно быстро, но я очень устал, особенно болели ноги. Раньше мне эта профессия казалась несложной. Однако легкой работы, в общем-то, не бывает. Трудного действительно ничего не было, но и легкой ее тоже не назовешь. Благо, Бастиан отпустил меня чуть-чуть пораньше домой.

На следующий день у меня все еще сохранялся энтузиазм, даже настроение появилось, не говоря уже о сне — спал я крепко, как ребенок. Но кроме энтузиазма в работе еще требовалась ловкость и сноровка — у меня долго не получалось захватывать разом восемь кружек пива или нести до трех тарелок с блюдами в одной руке — в этом Штеффи была непревзойденна, а мне оставалось вместо этого лишний раз сходить туда и обратно.

В тот день случилась небольшая неприятность: я отнес целый поднос посуды в мойку, но когда его ставил, едва не уронил фужер. Однако, принявшись балансировать над фужером, я грохнул весь поднос... Бастиан был, конечно, явно не в восторге и записал убытки на мой счет.

Физическая выносливость у меня тоже тогда была не ахти, к концу дня я валился с ног, хотя, как говорится, для бешеной собаки семь верст не крюк. Наверняка это было с непривычки, потому что потом начал потихоньку вкатываться в работу и было уже полегче. Но хватало таких моментов, к которым было тяжело привыкнуть.

Столько лиц проносится перед глазами — на смену одним приходят другие; они разговаривают, употребляют разные блюда, пиво непрерывно льется через запрокинутые бокалы, кофе, десерты, дымок тлеющих сигарет...

И ты вроде бы сыт, но украдкой посматриваешь на гостей. Внутри разгорается жажда, сосет под ложечкой, текут слюнки, несмотря на то, что ты и сам недавно пообедал или поужинал. Это происходит бессознательно, прямо как у домашних животных.

К этому стоит прибавить постоянную потребность в никотине. Сходишь покурить на задний двор, а через пять минут опять тянет, потому что ты идешь поменять пепельницы, а перед тобой прикуривают, пускают дымные колечки и т.п.

Однако самым провокационным было желание выпить: гости навеселе частенько предлагали присесть или просто угощали выпивкой, на что естественно мы не могли согласиться. Так что мы набирались после работы и возвращались домой, как кораблики по штормовому морю, как бы от зависти гостям, ну и от усталости, от бессилия. Главное потом было вовремя проснуться и свежо выглядеть, потому что лично я работал каждый день.

Да, я работал практически без выходных — отпрашивался только в крайнем случае, из-за простуды, например, поэтому многих посетителей я знал в лицо. Но поначалу у меня случались какие-то галлюцинации. Я принимал сидящих за столиками гостей за своих знакомых. Например, приходит пара гостей, Штеффи приносит им меню, а я стою у бара, смотрю на них, и мне кажется, что они прямо копии моих соседей по лестничной площадке — Микаэля и Беретты Вестерман. Я даже хотел подойти поинтересоваться, может, они меня просто не узнали, но не стал. А потом, когда случайно встретил Микаэля — он сказал, что они сами в тот день были в театре. Просто похожие лица, но такое случалось не один раз — были еще гости, похожие на

моих приятелей и бывших однокурсников. Мне уж подумалось, что я схожу с ума. Впрочем, Штеффи сказала, что с ней тоже такое бывало.

Что еще рассказать? Изо дня в день жизнь бара шла своим чередом. Утром суэта с сервировкой, сменяющаяся неспешным обслуживанием немногочисленных гостей, пришедших позавтракать. Затем небольшое затишье, после которого ураганом пронесется обеденное время: обслуживание спешащих на ленч клерков из близлежащих контор, неторопливых господ и беззаботных туристов.

Далее происходит резкий скачок вниз, когда отобедавшие гости начинают расходиться, а решившие поужинать ожидают много позже — время замирает в воздухе ароматом цветочного чая и сигар. В этот момент стрелки часов практически неподвижны, особенно когда к ним то и дело разочарованно обращаются глаза кельнера или бармена. В такие моменты я просто изнемогал и молился, чтобы день поскорее закончился.

Как только приходит время ужина бег стрелок ускоряется. Ускоряется и проходимость людей — в баре начинается настоящий час пик. У кельнера в этот момент открывается второе дыхание: ноги уже едва ходят, но в голове срабатывает напоминание о чаевых, и тогда снова приходит тонус. И так до глубокой ночи...

Таким образом, я настолько погрузился в работу, что перестал обращать внимание на то, что происходило за стенами “DF” — для меня в тот момент вся жизнь была там, дома я только ночевал, в продуктах и готовке так и вовсе не нуждался — словом, жил, как у Христа за пазухой.

Меня вновь осенило, что не все так просто где-то в середине октября, когда от постоянной беготни на ногах подошвы моих ботинок протерлись, а пара новых по теперешнему курсу могла стоить что-то около 30 триллионов марок.

Я отправился в универмаг на Кайзерштрассе. Он оказался закрытым, как и все лавки при нем — все было опечатано. «Ну да, как же — освобождение от гнета «еврейского капитала», — подумал я про себя, глядя на нацистские листовки, наклеенные на стеклянную витрину магазина. Когда все плохо и нестабильно, человеку нужен «образ врага», очевидно евреи стали подходящей мишенью, когда власти провозгласили идею «пушки вместо масла».

Что ж, я развернулся и отправился на рынок, где нашел другого сапожника. Мы не были знакомы, но легко сошлись, когда я развернул платок. Естественно, я имел доступ на кухню и мог понемногу брать кое-какую снедь. Так оказалось даже проще: он сменил мне каблуки, получив за работу кусок Брауншвейгской колбасы. Такое вот взаимовыгодное сотрудничество.

Некогда гордо придя на земли стран третьего мира и основав колонии, европейцы насаждали местным жителям денежный оборот. Хотя те долго не понимали, их рассудок не мог принять, как можно менять натуральные продукты на какую-то бумагу или монеты?? А теперь мы сами перешли на бартер, великая Германия откатилась на уровень тех самых стран, и люди, даром, что со светлой кожей, вновь отказывались от денег. Как это было парадоксально — горько и удивительно.

Когда-то уже, видимо, давным-давно по теперешним меркам, когда я был подростком, мне казалось, что во время войны или теперь, во время инфляции, все вдруг станут равны — прямо, как в бане. Но все оказывается гораздо сложнее и уж совсем не походит на общественную купальню, даже если судить только по тому, что можно было наблюдать в нашем баре.

Цены могли меняться несколько раз в день. Я слышал, как люди грустно подшу-

чивали друг над другом, мол, «Людвиг, ешь скорее свой гуляш, а то за время обеда он успеет подорожать вдвое!» и все в таком духе.

Большинство из тех, кто раньше сюда часто заживал, теперь располагались у окна, только не за столиком, а наблюдая с улицы. Кто-то жил сегодняшним днем и веселился до упаду, а потом вдруг уходил куда-то на дно... Были и такие, кто чувствовал себя в кризис, как рыба в воде и ухитрялся зарабатывать, когда все теряют или хотя бы оставаться на плаву, как небольшие коммерсанты и перекупщики товаров первой необходимости.

На этом фоне наши соседи могли почувствовать себя здесь королями, ведь взлетающий с упорством летчика-испытателя, курс марки по отношению к иностранным валютам был обязан адским рвением правительства списать внешний долг и опростать контрибуционную тяжесть. Этот период нужды, голода и страха для немцев в то же время, скажем, для англичан или французов был примечателен совершенно обратной ситуацией.

В начале 1920-х годов в Германию хлынул поток иностранных туристов, которые ранее не могли и подумать о столь масштабных расходах, а нынче за счет разницы курсов валют могли себе позволить ездить первым классом по железным дорогам, брать такси, покупать ценные сувениры, занимать апартаменты в лучших отелях и посещать дорогие рестораны.

В глубине души мы их стали недолюбливать: сытых, беззаботных, особенно некоторых, начинающих бравировать своим положением перед немецкими женщинами с какой-то аффектацией и в неестественной манере, не говоря уже про ужасный говор с акцентом. Так что, несмотря на это, нам иногда приходилось прибегать к некоему заискиванию не переходящему, однако, в низкопоклонничество. Все же иностранцы приносили стабильный доход и, само собой, хорошие чаевые. Они для нас были, что называется, «соль и сахар в одной посуде». Мы еще тогда со Штеффи шутили, что заколачиваем чаевые миллионами. Это действительно было так, но при такой гиперинфляции люди уже не доверяли деньгам и частично перешли на натуральный обмен, как тот же сапожник на рынке.

Помню, был у нас как-то один из таких толстосумов. Заказал себе Камю. Я отметил его выбор.

— Прекрасный коньяк,— говорю я.

— Да. Даже можно двойной,— добавил он и, расплываясь в ухмылке, показал два пальца. Я принес ему заказ. Он остановил меня и спросил кое-что по меню, потом поинтересовался, давно ли я работаю кельнером, добавив быстро еще один вопрос, не успев я и рта раскрыть:

— А вы не можете присесть за мой столик?

— Боюсь, что это исключено.

— Я просто хотел бы угостить вас коньяком — он и в правду отличный.

— Простите, но я на работе.

— Ну, хорошо, так насколько давно вы здесь?

— Почти полгода, герр — ответил я.

— Морель.

— Что, простите?

— Моя фамилия де Морель.

— Ах да, месье де Морель.

— У вас есть высшее образование?

— Эм, юридическое. Неоконченное...

— А почему вы работаете кельнером?

— Нравится,— ответил я. Не рассказывать же ему все с начала про водоворот разочаровывающей действительности и неизбежную измену идеалу. Очевидно, сытый голодного не разумеет. К тому же, как говорится: умный не скажет, дурак — не поймет.

Он обмолвился еще о том, что во Франции с работой было бы получше. Потом высказал какую-то чушь, мол, «когда минует время блестящих и шумных удовольствий, их заменят другие, более безмятежные и приятные...»

Теперь уже я не понял, к чему он клонит, извинился и сказал, что мне пора. Он успел всучить мне свою визитку, на которой было указано, что живет он в «Метрополе». Впрочем, кто бы сомневался. Он оставил неприлично большие чаевые и пропал.

— Берд, это был твой отец?

— Если бы! Это был какой-то псих. Он потом появлялся еще пару раз, а через неделю явился снова и попросил меня выйти на разговор, чтобы сообщить нечто важное. Он начал рассказывать, что скоро уезжает и хотел бы взять меня с собой, что у него есть свое тихое поместье в альпийском предгорье, что он хорошо готовит, представляешь? Я, естественно, послал его куда подальше, но он, видите ли, обиделся:

— Как вы себе позволяете такой тон, вы же всего лишь кельнер! Я сейчас пойду, пожалуюсь на вашу грубость и вас выго...

— Это я там кельнер,— сказал я, указывая через плечо на гербовую рекламную вывеску “DF”,— а здесь я сниму бэйджик и дам тебе по морде, понятно?! И никуда ты, паршивый гомик, не пожалуешься.

Больше в баре его видно не было.

В общем, чего я там только не насмотрелся! Кстати, до этого я как-то не наблюдал потасовок в районе бара, но потом мне вспомнилась мысль Бастиана о том, что в такие времена, как сейчас, лучше оставлять мужчин, а Штеффи отпускать под вечер домой. Одна заварушка (на почве политических предпочтений) случилась в мою смену.

Я обслуживал компанию мужчин среднего возраста, как я понял, нацистских партийных функционеров, поскольку они заказали бутылку «Доктора Вагнера». Со стола, занятого этими беззаботными партгеноссе, целый вечер волнами неслись взрывы хохота. Я разливал вино в Sekflute — узкие длинные бокалы, когда увидел, что один из захмелевших молодых людей встал из-за столика напротив, и отправился к тому, за которым сидели люди из НСДАП*.

Пришлось звать Джонни — на пару мы их еле растащили. Все то время, пока Джонни выводил бунтаря к выходу, тот кричал:

— Зажравшиеся морды! Какие вы к черту национал-социалисты? Забыли, как в 20-х годах кормились с руки Генри Форда и других капиталистов?

Думаю, если его потом нашли — досталось парню за здорово живешь... Хотя, если откровенно, в глубине души я с ним где-то даже был согласен. Мне лично при монархии жилось спокойно — все было как-то четко: есть титулованные особы, и есть все остальные. А сейчас-то что толку — вроде бы формально никаких каст и сословий, и ты среднестатистический свободный человек, то есть попросту никто. А кто был никем, тот стал всем. Странно. Я уж не говорю про штурмовиков, которые захватили многие магазины и кабачки. Ведь не все же их хозяева были евреями —

* НСДАП (нем. *Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei*; сокр. *NSDAP*) — Национал-социалистическая рабочая партия Германии.

часто это случалось по доносу, из обыкновенной зависти. Бастиану в этом смысле повезло — его бывший одноклассник и старый друг был членом партии.

На чем я остановился? Да, а насчет денег, точнее чаевых, на эту тему у меня бывало много разных ситуаций и историй, из которых, пожалуй, самая распространенная заключалась вот в чем. Например, если условная сумма по чеку составляет 989 марок, то трудно рассчитывать на хорошие чаевые. Велика вероятность того, что гость расплатится банкнотой в 1000 марок и т.п. в зависимости от курса. Очевидно, что тебе тогда достается мелочь — Штеффи ее прозвала щебенкой, когда еще монеты были в обороте. Хватало таких проходимцев.

Кроме того, за время работы меня всегда удивляли люди, логика которых сводилась примерно к тому, что если оставлять кельнеру на чай, то надо давать и таксисту на бензин, сантехнику на прокладки и проститутке на белье — и все в таком духе. И я говорю не потому, что я какой-нибудь жалкий брюзга, просто на мое базовое жалование прожить было невозможно. Поэтому чаевые для меня были важны — это был главный и практически единственный источник моего существования, если не учитывать тот факт, что я работал, по сути, за еду главным образом.

— Хм, я сам нечасто ходил в хорошие заведения, но если быть честным, то я только иногда оставлял нормальные чаевые — в основном, если кельнер действительно хорош. Ну, то есть вежливый, если спиной не стоит, когда хочешь его позвать и вообще, если толковый,— напрягся Отто, вспоминая.

— Понятно. Ну, а я оставляю любому официанту, так или иначе. Просто хорошему — больше,— ответил Берд.

— Слушай, когда мы выберемся отсюда, мы должны обязательно встретиться и выпить. И я непременно оставлю нашему кельнеру на чай, я думаю, что теперь буду всегда оставлять! Особенно после твоей истории,— сказал Отто с доброжелательной улыбкой на русской бороде.

— Было бы здорово. Встретимся,— сказал Берд, добавив с оттенком горечи — Если выберемся...

Они оба смотрели в непроглядную даль вражеской стороны. На небе поблескивали, словно нож, холодные стальные звезды. Отто достал сигарету, пожившись от холода. Он укутался поглубже в шинель и устроился на пустом деревянном ящике из-под снарядов. Берд тоже закурил и поднес догорающую спичку сослуживцу.

— Спасибо. Мне тут вспомнилось, к слову. Знаешь такую шутку про скрягу: «Пруссак, баварец и шваб сидят, пьют пиво. К каждому в кружку залетает муха. Пруссак выливает пиво вместе с мухой и требует принести ему новую порцию. Баварец пальцами вытаскивает муху из своей кружки и продолжает пить пиво. Шваб вытаскивает муху и заставляет ее выплюнуть пиво, которое она успела проглотить».

— Ха-ха, занятно! Нет, не слышал. Но у нас как-то был подобный случай.

Бастиан уехал в порт решить какой-то вопрос по доставке рыбы, я уже не помню. Штеффи осталась за старшую. Штеффи... Она была само очарование, а главное, она работала не за деньги, она была предана своей работе настолько, что могла ради нее съесть и таракана.

Она стояла в зале и общалась с посетителями, а я был у окошка на раздаче, ждал заказанный Eintopf*. И в это время один из посетителей закричал: «У меня таракан в супе!» Все затихли и обернулись на выпучившего глаза незадачливого бюргера...

* Eintopf (нем. «один горшок») — блюдо немецкой кухни, густой суп из мяса и овощей, заменяющий собой первое и второе блюда.

Ты не в курсе, наверное, но у наших официантов, как и во всех немецких барах, была своя специализация: один подает только десерты, другой — исключительно закуски, там третий — супы и так далее. Так вот, супы подавал я, но то ли не заметил ничего, то ли этот злосчастный таракан заполз в тарелку уже после подачи. Я направился к эпицентру этого кошмара, но Штеффи тоже кинулась туда и подоспела раньше. Ничего не говоря, она взяла ложку из рук посетителя, выловила этого таракана и съела!

Мне было так плохо, меня так рвало! Я не мог остановиться: плечи и шею окутывало жаром, и тошнота сдавливала живот. Очнувшись, я сгорал от стыда и не знал, что я скажу Штеффи. Она подошла ко мне сама и говорит: «Если любишь свое дело, умеи и тараканов есть. А не любишь — иди, работай в другом месте». Инцидент был исчерпан, хозяйину она ничего не сказала.

Я тогда этих слов не понимал, а понимать их стал все больше сейчас. Очень мало людей, которые работают и делают любимое дело — гораздо больше людей, которые ходят на работу, и она им что-то должна. Люди, которые любят дело — всегда будут иметь доход. Потому, что они не работают — они зарабатывают.

— Вот это конфуз! Знаешь, я до этого разговора действительно никогда не задумывался об этой работе, все наверняка считают, что именно у них самая трудная жизнь и что им тяжелее всего работается...

— Да, а ведь дело даже не в том, что кельнер на секундочку несет материальную ответственность за выручку, сохранность посуды, что ему так же требуется внимательность и хорошая зрительная память — он является лицом заведения и его квалификация влияет на успех предприятия.

Как бы это ни звучало банально, но, работая здесь, я стал к тому же уважать чужой труд и внимательнее относиться к людям. Мне были известны имена и адреса всех постоянных клиентов, их привязанности, привычки и вкусы.

Например, одна состоятельная дама, фрау фон Рихтер, имела обыкновение пить вермут из ледяного бокала. Это был ее пунктик. Она была нашей постоянной клиенткой. Едва заметив ее появление, я несся к Джонни, чтобы он убрал пару бокалов в холодильную камеру. Хотя, само собой разумеется, на это не было никаких рекомендаций, включая правила подачи. Она воспринимала эту свою прихоть, как должное, однако, в свою очередь, выражала благодарность самым простым, но доступным для меня способом — никогда не забирала сдачу. Но когда на ее столике появились свежие цветы — она была действительно тронута, ведь она не подозревала, что в толстую записную книгу Бастиана были занесены даты дней рождения клиентов, юбилеи и прочие праздники, знаменательные даты...

Став официантом, я неожиданно впервые ощутил себя в своей тарелке, как бы это ни звучало здесь комично, словно «масляное масло». Мне показалось, что я нашел себя. Мне нравилось общаться с людьми, как бы делал это, стань я юристом. Я мог угодить любому гостю, уладить любую ситуацию, даже в укор своему жалованию, ведь главное, чтобы каждый ушел довольным. Моя работа доставляла мне радость, которой я делился с окружающими.

Впрочем, кому теперь какое дело, ведь не так давно мне снова пришлось сменить работу, когда пришла повестка...

Алексей Яшин
(г. Тула)

НОВЫЕ МЫТАРИ*

◆ Опальный профессор Игорь Васильевич Скородумов, душой отдыхая от зимне-весенних боевых операций против него, массированно организованных добрыми своими кафедральными и факультетскими коллегами, полюбил раз в неделю — в две заглядывать на огонек к пригородному Прокофьючу с супругой Тихоновной и налогоплательщиком котом Мичманом. Во-первых, хотя и седьмая вода на киселе, но какой-никакой родственник им: брат Витька, мужа их дочери Веры; во-вторых, в пригороде, уже двадцать лет как лишеном всякой промышленности, дышалось легко зимой и летом, а главное — здесь была сведена к нулю вероятность встретить лицом к лицу кого-либо из этих самых коллег. Тем более, не ездили по поселковым дорогам крупные университетские чиновники на «меринах» с самыми благодатными номерами. Хотя они-то как раз никакого участия в импичменте Игоря Васильевича не принимали, но на всякий случай при встречах в коридорах административного главного корпуса руку, как прежде, заслуженному профессору не протягивали, ограничиваясь безличным кивком головы. Скородумов их понимал, не обижался, даже — как в том стокгольмском синдроме — сочувствовал. Непросто быть-стать чиновником!

Кстати, о благодатных номерах, по поводу которых с завидным постоянством начинают верещать телеящик и даже волнуются думские фракции: то рекомендуют гаишникам отдавать их только коммунальным мусоровозам, то вообще изъять... Возникают и радикальные варианты, например, разрешить тем же гаишным управлениям торговать такими номерами с выпиской квитанций, чеков и прочей финотчетности.

...Когда, еще совсем недавно, проректора и начальники отделов здоровались с Игорем Васильевичем при встречах за руку, называя его гордостью университета, то если таковая происходила перед парадным входом в главный корпус, через который вступали в храм науки только высшие чины, имевшие ключи-карточки, подъезжавшие на специальную шлагбаумную стоянку в своих авто, то Скородумов фамильярно восхищался номером, составленным из одинаковых цифр и букв.

Хозяин авто от похвалы разливался в неофициальной улыбке, любовно похлопывал свою «ласточку» по тонированному боковому стеклу и отвечал просто и однообразно: «Друг на день рождения номерок подарил!»

Склонный по своим научным упражнениям к анализу, синтезу и обобщениям, Игорь Васильевич четко усвоил: русский народ любит дарить подарки, но каждый по своей епархии. Кто чем богат, желательно из чужого, из казенного котла. Поэтому гаишник в чине не меньше майора, собираясь на именины-крестины к полезному, даже в далекой потенции, человеку, прихватывает с собой жестянку с благодатным номером, который он уже заранее «вбил в комп» на именинника. Потом дойдет дело и до крестника.

* Из цикла «Картинки с выставки»; начало см. в «ПЗ» № 2, 2013.

...Но более всего наш профессор сошелся с простым, но многомудрым работягой Прокофьичем в части любви к книжной мудрости. Где старику найти такого собеседника в полудеревенском пригороде? Это только у писателей-шестидесятников что ни деревенский мужик, так кладезь этой самой исконно-домотканой мудрости! И Игорю Васильевичу в страшном сне не приснится завести разговор на отвлеченно-историческую или философскую тему с коллегами — профессиональными «преподами». Последние последнюю книгу в своей жизни прочитали на первом курсе института-университета, а говорить на своем суконно-училкинском языке умеют только о ЕГЭ, стобальной болонской системе оценок, экзаменационных ведомостях и — со злобной завистью — о высоких зарплатах деканатских баб. О доходах более высоких университетских чинов опасно помалкивают.

◆ Так они еще несколько лет назад и нашли друг в друге уважительных собеседников. Особенно когда Прокофьичу досталась большая часть раритетных изданий из ликвидированной поселковой библиотеки. А Игорь Васильевич сам великий охотник до редкостных старопечатных книг, запах которых отдает вековой мудростью.

В обычный будний день, чтобы застать дома только Прокофьича с супругой и котом, а то по выходным наезжает родня — оно приятно повидаться, но гостеприимная и тороватая Тихоновна локализует все общение у большого гостинного стола... так вот, в будний день недели, захватив из дома для показа Прокофьичу какую-нибудь редкую книжицу, а из соседнего голландского магазина «Спар» бутылочку акцизной, садится Игорь Васильевич на рейсовый автобус или на нелюбимый им автолайн и через полчаса уже входит в незапертую калитку знакомого дома, где его по летнему времени уважительным «мяу» встречает Мичман, развалившийся на солнышке обок крыльца.

Тихоновна подает в «кабинет» супруга, совмещающий библиотеку и поделочную мастерскую, закуску к акцизной и литровой заварной чайник. Больше не мешается, а тотчас появившийся «на огонек» Мичман располагается на *своем* стуле-полукресле и внимательно вслушивается в суть степенного разговора двух книголюбцев.

Прокофьич деликатно не расспрашивает профессора о завершении его зимневесенних злоключений, но Игорь Васильевич сам докладывает текущую диспозицию.

В Астану профессорствовать в Евразийском университете имени Льва Николаевича Гумилева за двадцать штук «зеленых» он, конечно, не поехал. Даже не резкоконтинентальный казахский климат и вынужденная временная отдаленность от дома-семьи его смутили. Здесь дело в другом. Вконец осточертело ему преподавательство. Он и раньше читал лекции, стиснув (мысленно) зубы, вообще старался свести их к минимуму, «забывая часы» аспирантами-докторантами, членством во многих диссертационных советах. Теперь и вовсе обрыдло. Потом... сами студенты. Их университет давно уже увлекся вербовкой иностранцев: настоящих и из бывшей советской Средней Азии. Их уровень школьной подготовки и знания русского языка доводили до тихого помешательства и без того слабоуравновешенных училок — профессиональных преподавателей обоего пола. А что его ждет хотя бы и в русскоязычном Северном Казахстане? Тем более что в многократно переименованную* Астану сейчас съехалось все огромное чиновничество страны — сплошь этнические казахи. Соответственно, их дети и заполняют университетские аудитории. Русские же подданные возрожденного суверенного половецкого** государства, как и в советское время, трудятся на

* Со времен кочующих султанатов город назывался Акмолинском. В 1961 году он стал геройским Целиноградом; в 1992 году стал суверенной Акмолой; в 1994 году туда перенесли столицу из Алма-Аты; через четыре года Акмола стала называться Астаной.— Прим. авт.

** Некогда, во время учебы в Литературном институте им. А. М. Горького по рукам студенческой братии ходила только что изданная книга Олжаса Сулейменова, тогда главного казахского поэта и члена ЦК республиканского ВЛКСМ, под названием «Аз и Я» (читается как «Азия», но смысл иной: Аз — это русский, Я — казах). В ней автор обосновывает версию происхождения современных казахов от полонцев.— Прим. авт.

рудниках и заводах, теперь работающих на западные демократии... Из тех, конечно, которые по каким-то причинам не смогли в девяностых перебраться в Россию.

Конечно, по опыту общения Игорь Васильевич знал, что студенты-казахи на голову выше — в прямом и переносном смыслах — среднеазиатских потомков чингизхановцев и индоарийцев-таджиков. Да и Прокофьич казахов похваливал: ввиду высокого роста, крепкого телосложения, хорошей грамотности их в советское время, наряду с русскими, украинцами и белорусами охотно брали на срочную во флот. «У нас на крейсере «Киров»,— вспоминал он с легкой ностальгией,— при общем парадном построении на палубе весь правый фланг сплошь казахским был. Хорошие ребята!»

Профессор охотно соглашался, но в голове держал, что именно в Алма-Ате в середине восьмидесятых годов, еще до прибалтов, началось первая антисоветская бунта... Короче, раздумал он ездить на подработку в Астану и вообще куда-либо. Славны бубны за горами...

◆ Тем более — нет худа без добра даже в наше волчье время,— все как-то само собой «устаканилось», говоря инженерным языком молодости Скородумова. Остался он и в университете, лишь самую малость потеряв от прежней, тоже нищенской, зарплату профессора; и любимое детище — журнал «*Феномены разума: XXI век*» университетская типография продолжала тиражировать. Кабинет его с полутора тысячами книг и журналов, всей полудомашней инфраструктурой также остался за ним. Но главное — никакого преподавательства! «Сбылась мечта идиота»,— бормотал он порой с ухмылкой, слыша из коридора вопли среднеазиатских и ближневосточных студентов на гортанных родных языках и не менее громкие понукания вконец осатаевающихся под конец учебного года «училок»... обоего пола.

Самое существенное, что Игорю Васильевичу даже не пришлось прибегать к поддержке извне, не пустил он в ход малую, среднюю и большую «артиллерию». Здесь помогли декан их факультета и, особенно, его первый заместитель — все тот же Дмитрий Алексеевич, у которого некогда Скородумов почти год «отсиживался», защищая первую докторскую диссертацию после ухода из НПО «Меткость». С которым участвовал и в зимней дачной эпопее с «кувалдометром».

Как судьба их вновь свела? — Да очень просто. Лет пять назад Дмитрия Алексеевича, как человека очень воспитанного, порядочного и заботящегося о своем коллективе, со всем его старорежимным набором совковых качеств выжили с должности гендиректора созданного его трудами департаментского информационно-аналитического центра. Предчувствуя это, Дмитрий Алексеевич загодя защитил докторскую диссертацию, в части которой Скородумов был у него научным консультантом, и перебрался в кабинет замдекана.

Да и сам декан на том заговорщицком совете факультета, где Игоря Васильевича опустили донельзя, не голосовал против него, но выбрал позицию Понтия Пилата; дескать, как коллектив решит... И даже в приватном разговоре после собрания для острастки покричал на бывшего коллегу: «Да ты надоел всем своими...» Чем «своими» он не сформулировал, смяв концовку. Понятно «чем своими». Когда же Игорь Васильевич все же попробовал обрисовать ситуацию сговора против него, то декан безглаголиво обрезал: «Да кому т-ты нужен!»

Скородумов никакой обиды на него не держал, понимая: как не быть Понтием Пилатом, умывающим руки, если на нем немалый факультет, много недоброжелателей в городе и в министерстве. Никакого резона менять одного пострадавшего профессора, хотя бы и двойного, на десяток «училок», проголосовавших против, у него, как руководителя, нет. На вопрос же Игоря Васильевича о журнале и каком-никаком «закреплении» в университете до лучших времен, декан заверил, что «Феномены разума» надо и дальше издавать; он, дескать, уже говорил на эту тему с ректором.

Насчет же «местечка, порадеть человечку» он перескочил на любимого конька, начал рассуждать на отвлеченные темы: вот, мол, возродим наш *НИИ* в составе университета, там и тебе достойное место найдется; знаю, преподавать ты не любишь, зато наука тебе хорошо дается... И далее в том же наклонении. Мечтательном.

Игорь Васильевич «отстоял» оставшиеся полмесяца своего профессорства, а затем поговорил с конкретным Дмитрием Алексеевичем. Тот сразу взял быка за рога и с помощью декана приискал Скородумову «зацепку»: какое-то ничтожное инженерное место, настолько ничтожное и ни к чему его не обязывающее, что название своей новой должности он не запомнил. Оклад еще более ничтожный, но к нему выхлопотали серьезную надбавку, как главному редактору издаваемого университетом журнала, да еще положенную ему надбавку за звание «заслуженного»... словом, почти как прежнее жалованье. Да еще прежний его завкафедрой почасовые время от времени подкидывает, поскольку Игорь Васильевич оставил за собой кафедральных аспирантов и научную работу.— Все на рейтинг, как сейчас говорят, кафедры.

Кстати, переоформляясь с одной должности — преподавательской на другую — служащих и сотрудников, Игорь Васильевич со смешанным чувством изумления, порой негодования, но и сарказма, понял: как он отдалился за годы профессорства от реальной жизни?

Как условного препода-почасовика его тотчас отправили в тулуповский Большой дом, то есть в областное управление *МВД* за справкой об отсутствии судимости. Пояснили: уже год как ото всех «вновь поступающих» в преподаватели всех видов обучения требуется такой документ. Выстояв в подъезде № 2 Большого дома большую очередь из вузовских и школьных преподавателей, соцработников и даже соискательниц мест уборщиц в детсадах, он попал-таки в нужную комнату, где у него забрали заполненную в очереди анкету и велели прийти за справкой через месяц. «Сразу две справки заказывайте,— понимающе посоветовала делопроизводительница,— может пригодится, например, для совместительства; чтобы еще один месяц не ждать».

Так он и сделал. Кстати, знакомясь с анкетой, он прикинул: примерно такую он не раз заполнял, работая инженером в военпроме, на получение по линии *КТБ* справки для доступа к секретным и совсекретным работам и документам...

Но вот где поиздевались над ним вволю, так это в университетском отделе кадров. Если в профессорской должности он, хотя и редко, но общался с кадровиками преподавательского подотдела, где народ вежливый, то теперь им занималась дама из подразделения для сотрудников и служащих. При первом его появлении матерая кадровичка, доселе много лет приятно улыбавшаяся, как всякая молодящаяся (в «пятьдесят лет выглядеть на тридцать пять»,— из *ТВ*-рекламы), и здоровавшаяся при встрече, сугубо официально осведомилась о цели прихода и фамилии. Игорь Васильевич усмехнулся: почти два месяца женщины административного главного корпуса обсуждали, почти обломав языки, невероятную новость, в фантазийном неистовстве расписывая профессора Скородумова, этакого ухаля-купца, что только и делает весь рабочий день, как пьет самоварами водку, поет на весь учебный корпус лихие разбойничьи песни, матом шлет куда подальше добрых своих коллег — профессоров и деканатских девушек-женщин, в коридорах публично обнимает и тискает грудастых азиатских старшекурсниц, а устав от публичности, на час-другой запирается в кабинете с одной из своих аспиранток. Даже такую пикантную подробность сообщали друг дружке женщины главного корпуса: этот охальник Скородумов требует, чтобы аспирантки непременно носили кружевное французское белье и склонялись к французской же специфике интимной близости...

◆ Игорь Васильевич пояснил молодящейся Любове Геннадьевне цель прихода.

— Так...— кадровичка сделала вид, что не знает *Ф.И.О.* проштрафившегося *быв-*

шего профессора и, обиженно поджав губки, продолжила,— Заполните анкету *вновь* поступающего на работу в университет, вот вам направление на медосмотр в нашу поликлинику или по месту жительства, «бегунок» по разным отделам: технике безопасности, пожарной службе... там все написано и...

Здесь Игорь Васильевич не сдержался:

— Какая анкета? Какая поликлиника? Вы же прекрасно знаете, что я только что получил трудовую книжку в соседней комнате. Возьмите у соседней мое личное дело, там все имеется! А профмедосмотр я прошедшей осенью проходил.

— Видите ли,— Любовь Геннадьевна сделала вид, что вспоминает его фамилию, не вспомнила, однако,— раньше вы профессором работали, поэтому как преподаватель и проходили профосмотр. Сейчас же вы оформляетесь на инженерно-техническую должность, а там другие требования к состоянию здоровья. Ведь вам теперь придется заниматься со станками, оборудованием...

— ...Подъемными кранами, торпедными аппаратами,— съехидничал Игорь Васильевич.— Вы, уважаемая Любовь Геннадьевна, прекрасно понимаете: никакими станками и оборудованием я заниматься не буду, а продолжу свои прежние дела: научную работу и редактирование журнала!

— Не знаю, не знаю. Может, вы и чем другим будете заниматься,— со значением произнесла кадровичка, язвительно усмехнувшись,— но без медсправки я вас оформлять не имею права. До свидания!

На следующий день Игорь Васильевич, благо жил рядом с университетским городком, обегал все пожарные и иные службы, получил от скучающих, очень приятных старушек, бывших преподавателей-ассистентов подписи и печати. Под конец отправился в университетскую же поликлинику.

Хорошо зная главврача Нину Тимофеевну, вошел в ее кабинет, протянул направление из отдела кадров, объяснил ситуацию. Та дружелюбно посмеялась и хотела уже написать на бланке направление разрешающее, но здесь, что-то вспомнив, справилась:

— А вы, Игорь Васильевич, в последние год-два приносили бумаги из психдиспансера и алкодиспансера?

— Да-а, Нина Тимофеевна, вроде как раньше не требовалось. Я ведь не первый год в университете работаю.

— Видите ли, уважаемый Игорь Васильевич, как говорили древние: «Все течет, все изменяется». Особенно в части руководства Минобразования. Вот и циркуляр о диспансерах только-только подоспел. А это — приказ, который мы должны неукоснительно исполнять. Увы... Кстати, вам еще повезло: на «выходе», как я краем уха слышала на областной медконференции, указ предоставлять при приеме на работу справки из кожвендиспансера, госимущества, земельного кадастрового бюро и еще откуда-то... не запомнила. Так что Наталья Тихоновна,— Нина Тимофеевна кивнула своей почтенной секретарше,— объяснит, где располагаются эти два диспансера и — ждем вас со справками!

Наталья Тихоновна надписала на случайной бумажке адреса — в разных удаленных частях города, заметив:

— Направлений мы не даем. Они сами по компьютеру проверят и выдадут справки. Каждый диспансер — свою. Да, еще не забудьте для психдиспансера захватить военный билет.

Игорь Васильевич, понятно дело, куда идти не собирался. Выйдя из поликлиники, позвонил давнему знакомому — терапевту заводской поликлиники и уже через час имел на руках искомое. Даже восхитился, читая справку. Видно, терапевт накануне был на «свадьбе у архиерея». Получалось так, что Игорь Васильевич был годен

ко всем видам трудовых свершений: от сварки под водой до монтажного верхолазания. Даже Любовь Геннадьевна, ознакомившись со справкой, случайно вспомнила имя-отчество бывшего профессора.

◆ Прекрасно понимал он специфику работы в вузе, переплетенную иерархию горизонтальных и вертикальных, как сейчас модно говорит, взаимоотношений, сложившихся за многие десятилетия традиции... Опять же сам контингент тружеников высшего образования. Несколько странно смотрящийся со стороны.

Но доселе, до зимне-весеннего натиска на него, Игоря Васильевича все это мало касалось. Он знал свой «должностной шесток», в начальство не стремился, общение с коллегами сводил к минимуму. Иные дела, сугубо научные, довели над ним. С сожалением тратил он немногие, слава богу, часы на ненавистное ему преподавательство.

Соответственно, и окружающий его народ — от матерых профессиональных преподавателей до бесчисленных служащих женщин главного корпуса — мало интересовался странноватым профессором со множеством степеней, званий и наград. «Рядовым профессором», — как любили к месту и не к месту подчеркивать проректора и высшая служилая часть учреждения.

И вот сейчас, когда его «опустили» донельзя по вузовским меркам, Игорь Васильевич (о, натура доброго русского человека!) испытывал болезненную почти что жалость при случайных встречах с прежде доброжелательными коллегами. Сколько он в жизни прочитал романов о бедолагах, впавших в коллективную немилость, но ведь многожды верно сказано: только проверив на себе, поймешь страдания библейского блудного сына.

Здесь проще всего было с проректорами и другим высшим служебным людом. Во-первых, Игорь Васильевич, как «рядовой профессор» по должности, с ними и ранее почти не общался. Опять же про шесток. Во-вторых, то, что теперь они при встречах во «властных коридорах» главного корпуса в лучшем случае задумчиво-неопределенно кивали в четверть наклона высокооплачиваемой головы, а то и вовсе поворачивались к стене, с интересом рассматривая фотографию бывшего тулуповского губернатора с подписью: «Кандидат технических наук. Почетный доктор наук», кстати, уже второй год находящегося под следствием, Игорь Васильевич воспринимал с пониманием. С опальными нечего амикошонствовать!

...Сразу вспоминался кадр из недавно показанного по *ТВ* фильма-скороспелки о маршале Победы: как только Георгий Константинович волею Кукурузника поменял мундир на штатский пиджак, так даже его бывшие подчиненные, по гроб жизни обязанные протезе, начали обегать его округ как чумного...

Совсем просто и с теми десятью «добрыми коллегами», членами факультетского совета, что проголосовали против двойного профессора. Игорь Васильевич их просто и навсегда вычеркнул из своей жизни и памяти. Так они, стервецы, не слыша от опального профессора дежурного «здрассьте», еще и обиделись на него смертельно! Дело в том, что Скородумов нарушил неписанный «кодекс училки», неважно, вузовской или школьной.

Суть кодекса в том, что хоть насмерть переругайся с кем-то на педсовете или деканском собрании, подсунь друг другу даже не свинью, но уголовно-преследуемого хряка, однако на другой день при встрече будь добр раскланяться. Да еще и змеиную улыбочку изобрази!

Но вот где ничего не изменилось, так это во взаимоотношениях Игоря Васильевича с «нижними чинами» университета: вахтерами, уборщицами, электриками и сантехниками. Они люди простые, русские, то есть на добро отвечают добром. А профессор Скородумов со всеми был отменно вежлив, полагал нужным перекинуться

при встрече парой-тройкой слов с себе на уме электриком Сергей Сергеевичем, слабопохмельным водопроводчиком-канализатором Михайлой...

...И вообще Игорь Васильевич придерживался мнения: лучше с пастухом два часа проговорить, чем пяток минут с коренным университетским профессором. Первый великолепным народным русским языком (словарь Даля + многоэтажный беззлобный мат) охарактеризует всю суть нынешней жизни, которую городские жители слабо представляют. А вот слушать, даже пять минут, профессионального препода — все одно, что комок ваты жевать.

Но болезненная жалость, чисто русское сострадание к типичному чеховскому персонажу, всякий раз пронизывала Игоря Васильевича при встречах с профессорами и доцентами других факультетов, а особенно со служащими женщинами главного и иных корпусов.

Препода, ранее не упускавшие возможность остановиться, поздороваться, изобразив на лицах радость, с шапочно знакомым им знаменитым в университете «четверным двойным», то есть двойным доктором, профессором, заслуженным и почетным — все «в квадрате», теперь, опасаясь скомпрометировать себя, либо кивали, но чаще, чуть усмехнувшись, отворачивались. Совсем нагло вели себя выдвиженцы, то есть молодеватые доценты из тех, что в прежнее время к тридцати годам уже уверенно занимали вторые позиции в вузовских партийных, комсомольских и профсоюзных кормушках. Теперь же они не менее уверенно отирались ошуюю и одесную университетского начальства. При встречах они немигающе, в упор смотрели на штрафника, презрительно, как голливудские актеры в амплуа супермена, перекосив нижнюю челюсть. Зимой Игорь Васильевич вычислял выдвиженцев по однотипным, лихо заломленным высоким шапкам-киверам. Вспомните схожий головной прибор «князя» Жоры Милославского из «Иван Васильевич меняет профессию»...

И их, вроде как нахальных, Игорь Васильевич понимал и даже сочувствовал им. Они, хваткие не умом, но чем-то его заменяющим, еще не осознали сложность запетлеванного пути выдвиженца без сколь-либо влиятельной «руки». Сколько им придется вылизать чужих, замызганных навозом, сапог; не один десяток мелких и средних пакостей сделать; шея постоянно саднит и ноет от бесчисленных полупоклонов, а тут и геморрой — неизменный спутник многочасовых посиделок-обязаловок на конференциях и совещаниях по части выеденного яйца. — И при этом все писано вилами по воде: можно чудом выскочить в помощники проректора или в завыв подотдела какого-то менеджмента адаптации к чему-то, а чаще всего остаться в доцентах до пенсии.

Ох, женщины-девушки на секретарских и служащих должностях, что в бесчисленных управлениях, отделах и подотделах главного корпуса чинно сидят за своими столами: в два-три ряда в помещении!..

◆ Ох, женщины-девушки! Сидите вы всю свою, вечно молодую, жизнь по восемь часов с законным обеденным перерывом от 12.00 до 13.00 на жестких стульях, с годами деформирующими прелестнейшую округлость тела, сверяете и переписываете скучнейшие сводки, ведомости, циркулярные письма. А мысли ваши где витают? А где надо, не охальничайте, Игорь Васильевич! Это они раньше так смешливо укоряли много чего знающего профессора. А он, подписывая у эффектной (крашеной) блондинки Аллы некую второстепенную бумагу, рассказывал, со ссылкой на Зигмунда Фрейда, что хронически сидячая работа постоянно вызывает прилив крови в тазовую область у женщин бальзаковского возраста, что, в свою очередь, постоянно держит их в состоянии сексуального возбуждения.

— ...Вот, Аллочка, вечером, наверное, охотно смотришь сериалы из современной жизни, где в каждой серии не менее трех-четырёх адюльтеров, причем все женщины из «офисных креветок», как сейчас говорят, то есть весь день сидящих перед «компом»?

— Да, Игорь Васильевич, смотрю: такая красивая жизнь! И любовь, конечно, если только стрелять ревнивцы под завязку серии не начинают.

— Вот-вот, офисная любовь по поводу и без него и сопутствующие трупы — все следствие фрейдовского либидо, усиленного приливом крови в тазовой области!

— Фи, Игорь Васильевич, все у вас как-то обыденно, прилив крови... А высокое чувство?

— Для высокого чувства нужен мужик с высоким банковским счетом. В долларах, конечно,— опошляет игривую болтовню профессора и регистраторши пожилая сотрудница с соседнего стола, воспитывающая двух внучек-безотцовщин...

Все было так безобязательно — мило, легковесно и даже давало профессору некий заряд бодрости от пикировки с молодыми и грудастыми инспекторшами, секретаршами, учетчицами и носящими неопределенное название должности «специалист».

И все так скверно закончилось. Поскольку у него теперь, как технического сотрудника вспомогательного подразделения университета, никаких дел в главном корпусе не имелось, то со служащими барышнями он встречался только на улице, в основном, в пределах студгородка.

Издали завидев ту же Аллочку, секретаршу какого-нибудь проректора, «специалиста» из учебно-методического управления, любую другую женщину-девушку, Игорь Васильевич внутренне морщился, если не было возможности разминуться, ибо знал, что своим видом он вызывает в случайной визави серьезное душевное смещение. И вот неумолимо приближающаяся к нему навстречу та же Аллочка либо неестественно строго и официально произносит «здравствуйте, Игорь Васильевич» — с логическим ударением на первом слове; либо же, полуотвернув испуганно-остереженное лицо, едва заметно кивает, причем так, что непонятно: ему ли она кивает, а может проезжающей мимо мусороуборочной машине...

Слабознающие опального процессора женщины и вовсе проходят мимо него, как мимо пустого места.

...Бедные вы, бедные, рабыни нелегкой служебной жизни в университетском змеином гнезде!

◆ На исходе первого летнего месяца Игорь Васильевич появился у Прокофьича озадаченно-веселый. Поздоровался с хозяином, передал Тихоновне «к обеду» бутылочку редкой сейчас «зубровки», причем белорусского производства, дурашливо потрепал за пушистый хвост налогоплательщика кота Мичмана.

— Однако, Прокофьич, еще раз аукнулось мне изгнание с профессорской должности!

— Что такое? Опять доносы пошли? Ишь, народ какой ваш, пока не добьет до конца, не успокоится...

— Да нет, доносы, конечно, время от времени пишут. От этого никуда не денешься. Так истари заведено в вузах. Настоящий препод-профи считает день из жизни потерянним, если не полается с коллегой или не «капнет» на кого: изустно либо письменно. А на меня теперь и сам бог велел: то завкафедрой покажется слишком раскрасневшимся (накануне, в воскресенье, загорал на городском пляже в парке) мое лицо, то деканатская бабенка заподозрит некоторую матросскую развалистость в походке,— это когда погода меняется, и коленка левая ломит... Да мало ли что кому покажется. По привычке доносят декану, хотя я сейчас вроде как никому и не подчиняюсь. Пущай их душу отведут!

— Так что акнулось-то, Васильич?

Скородумов вкратце напомнил Прокофьичу завершение той первой зимней провокации: когда случился с ним в рабочем кабинете гипертонический криз из-за тре-

волнений с лжесожжением любовно построенной дачи, вызвал он сразу «скорую» и «ментовскую» — чтобы сделать официальное заявление о телефонном терроризме.

Как и положено, менты, теперь уже в гордом полицейском именовании, прибыли всей опергруппой первыми. Со скукой прочитав загодя написанное Игорем Васильевичем заявление, лейтенант с водянистыми глазами и злоугольными усиками, вернул бумагу хозяину кабинета, почему-то порекомендовав отдать ее жене... Оба подчиненных сержанта паскудно заготовили, видно вспомнив что-то веселое.

— Давайте-ка, гражданин профессор, проедемся с нами: лицо у вас слишком красное, двигаетесь неуверенно, в словах частите, так что все понятно: состояние среднего алкогольного опьянения с нахождением в общественном месте.

Сколько ни объяснял полицейам Игорь Васильевич, что у него гипертонический криз, а потом, хотя он и профессор, даже двойной, но все же не совсем идиот, чтобы, будучи выпившим, сам себе вызывать опергруппу, те, оправляя португеи, торопили Скородумова на выход:

— Вот сейчас проедем в наркодиспансер, освидетельствуем; врачи и скажут: криз у вас или, так сказать, кризис неумеренного употребления... Одевайтесь, а то мы и в одном пиджаке доставим!

Зазвали из коридора двух лаборанток, приказав им подписаться свидетелями в акте фиксации нарушения. Но здесь в кабинет уверенно вошли врач и медсестра прибывшей «скорой». Деловито померив давление и сняв кардиограмму, они так же молча-деловито отбили профессора у ментов и отвезли в больницу скорой помощи.

— Я уже, Прокофьич, как-то забывать стал все эти перипетии. Про ментов и вообще не думал, коль скоро не удалось им меня «освидетельствовать», так и взятки гладки. Тем более, есть эпикриз из больницы, где много написано про криз, но ни слова про «промилле».

◆ — Ну, забыл и правильно сделал. Так человек устроен, а тебе, как большому ученому, и вообще это хорошо известно, что долго он помнит о хорошем, но напрочь хоронит память о плохом. Если, конечно, он не злопамятный. Кстати, Васильич, похваस्ताюсь я. Надесь послала меня Тихоновна на наш поселковый базарчик: того-сего по хозяйству прикупить. Самой некогда было — тесто для пирогов на именины старшей внучки творила.

А в заднем, блошином ряду заметил незнакомую старушенцию с ворохом потрепанных книг. Просмотрел? Всякая чушь детгизовская, старые школьные учебники, а среди них — смотри, что нашел и за полтину бумажную купил!

И Прокофьич, светясь довольством и только что введенной в организм стопкой разгонной «перцовки», снял с полки для наиболее редкостных морских книг малого формата томик в обтрепанном матерчатом переплете. Игорь Васильевич развернул ее на титульном листе и несколько разочаровался: то было обычное, стереотипное, двадцать какое-то по счету издание «Нового Завета» конца 1890-х годов в переводе с церковнославянского на русский. У него самого дома такой же имелся.

— Нет-нет,— правильно понял его сомнения Прокофьич,— ты штампик почти затертый в левом нижнем углу смотри!

Напряг профессор зрение и кой-как разобрал текст библиотечного штампика по старой орфографии. Следовало, что книга та относится к имуществу кают-компания линкора флота Его Императорского Величества «Императрица Мария».

— Ух ты! — Игорь Васильевич восхитился.— «Императрица Мария» не канонерка «Кореец». И какими судьбами это Евангелие занесло на тулуповский пригородный базар?

— Бывает, Васильич, бывает и не такое. Спрашивал, да та немой оказалась. Или придурялась на всякий случай. Кинул ей пятидесятку, забрал книжку и пошел мало-

сольную селедку искать. Тихоновна особо мне про нее талдычила. А вот интересно, Васильич, все апостолы Христа по молодости грешниками были, но потом опамятовались и пришли к нему учиться. Тот же Павел фарисей известный, Христа ругмя ругал; Матфей-евангелист мытарем служил...

— Извиняюсь, Прокофьич, перебыю. Павел живого Христа и не видел, а учение его воспринял и по Свету распространял уже после распятия и вознесения Иисуса. Что же касается Матфея, то сейчас и у нас в России его коллеги по первой, так сказать, профессии распространились чрезвычайно. Грядеши племя новых мытарей, будь не к ночи они помянуты. Я, кстати говоря, новых мытарей и имел в виду, говоря с порога, что аукнулось мое изгнание из профессоров. Давай-ка по второй под закусточку Тихоновны махнем для разговора.

◆ Закончились-таки для Игоря Васильевича зимне-весенние правежи над ним со стороны объединившихся добрых коллег при занявших позицию Понтия Пилата администраторах. Обломав языки, несколько поуспокоились университетские девушки-женщины. А давний друг Дмитрий Алексеевич помог ему закрепиться в вузе. И профессор — двойной, но без таковой должности — Скородумов, несчастливо-счастливо освобожденный от доуки чтения лекций потомкам Чингиз-хана и горских князей, снова вошел в обычный ритм трудовой жизни. Опекаемый им журнал, очередная книга многотомной монографии... все «устаканилось». Впрочем, подобные термины декан рекомендовал ему не употреблять. Впредь до новой левизны-правизны в «линии партии и правительства».

Да еще декан несколько смягчил правеж: «Полгодика подожди, Васильич, все ус... то есть успокоится, сходим на прием к ректору и, так сказать, восстановим статус-кво!»

Совсем успокоился опальный профессор, но тут-то и аукнулись события полугодовой давности. Семнадцатого числа, как у него было принято, зашел он с утра с ближнюю к его университетскому корпусу сберкассу, на счет свой в которой он перечислял зарплату и недавно оформленную пенсию. Зашел снять обычную сумму на месячные домашне-хозяйственные расходы.

Но приятной молодости и наружности девушка-операторша в окошке № 3 сберкассы огорошила знакомого клиента:

— Игорь Васильевич! Я, конечно, выдам вам нужную сумму, но... на ваш счет наложен арест. И из пенсионного фонда в этом месяце перечисления не было; также, наверное, наложен арест.

Поскольку Скородумов ошарашенно молчал, то девушка, улыбнувшись, успокоила его:

— Да вы особо не беспокойтесь. Это сейчас у нас случается; наверное, какой-нибудь штраф забыли уплатить, а может, что по коммунальным платежам напуталось? Я вот вам запишу адрес приставской службы по нашему району, сходите, разберитесь.

Пока ждал автобус, затем ехал до нужной остановки и искал, расспрашивая всезнающих местных старушек, приставский «полуподвал со входом с торца дома», ему и в голову никакой штраф не приходил: дороги он переходил только на «зеленый», автомобиля отродясь не имел и так далее. На личного его кота, в отличие от Мичмана Прокофьича, никаких налоговых квитанций не присылали.

Потолкавшись в пустынном по жаркому летнему времени приставскому полуподвалу, Игорь Васильевич нашел ту комнату из десятка их, где его выслушали, нашли фамилию в компьютере:

— За вами числится неуплаченный с декабря прошлого года административный штраф, выписанный нашим райотделом полиции, тогда еще милиции, за ложный вы-

зов сотрудников полиции с малоубедительными доводами и пр. нахождение в состоянии среднего опьянения в общественном месте.

«Все-таки достали менты-полицай»,— беззвучно пробормотал экс-профессор, а толстоватая приставша в старлейском звании докончила:

— Сумма штрафа — сто рублей; еще пятьсот — за приставское исполнение взыскания...

— Послушайте, уважаемая, но ведь мне никакого извещения о штрафе не приходило?

— А их сейчас никто и не рассылает. Согласно положению, вы сами должны в пятидневный срок от момента наложения штрафа уплатить его через любой банк или почту, предварительно зайдя в отделение... послушайте (старлейша взглянула на экран монитора), Игорь Васильевич, дело прошлое и... копеечное, а у вас аресты на счет и на выплату пенсии, проще ведь заплатить?

Игорь Васильевич охотно согласился и еще с полчаса томился в коридоре, пока разомлевшая от жары приставша, бормоча про «зависшие» компьютеры, ходила по комнатам. В итоге она вынесла клиенту нужную бумагу:

— Вот по этой заплатите в любом банке шестьсот рублей. Квитанцию с отметкой нам принесете, тогда остальное объясню.

◆ Через полтора часа Скородумов, запотев от езды туда-обратно в автобусах, снова отыскал в подвале давешнюю приставшу, вручил ей квитанцию об оплате.

На этот раз старлейша управилась минут за двадцать:

— В сбербанк и в пенсионный фонд сообщение о снятии ареста ушло, но кто их знает: дойдут ли? Компьютеры у нас старые... случается, что и не доходят. Потому возьмите две наши справки и, на всякий случай сами занесите в вашу сберкассу и обслуживающее вас отделение пенсионного фонда. Так-то надежнее!

На следующий день по утреннему свежаку Игорь Васильевич разнес-развез справки, где с них сняли копии, а оригиналы вернули, наказав на всякий случай, хранить у себя до конца календарного года.

— Вот так-то, Прокофьич, общаться с новыми мытарями!

— Нам не привыкать, Васильич. Сплюнь да забудь. Пошли на кухню. Тихоновна, судя по времени, уже обед сготовила. Сегодня у нас — бараний день: и харчо, и тушеное мясо с овощью. Намедни на нашем рынке баранину дешево продавали прямо с грузовика. Должно быть, краденую.

Налогоплательщик кот Мичман проводил внимательным взглядом хозяина и гостя, сладко потянулся, опустил усатую морду на вытянутые лапы и задремал. Что ему снилось? — Может и мытарства по уплате десятирублевого штрафа за выловленную сверхлицензионную мышь. А через растворенную в гостиную дверь из красного угла с иконы всех святых, что расположилась под образом Спасителя, на задремавшего Мичмана строго смотрел апостол Матфей. По первой профессии — древнеиудейский мытарь.

Рудольф Артамонов
(г. Москва)

ПАСЬЯНС

Наш постоянный автор, профессор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Начальник сказал: «Ты уволен».

Сима онемел. Все, что угодно, но только не это.

И оскорбительное «ты». Новый. Только что пришел. Никто его раньше не знал. Вошел хозяином в чужой кабинет, из которого еще вещи прежнего не вынесли.

Главное — что теперь будет? Что делать? Хотя бы полставки, понижение в должности. У него нет другой профессии. Да и кто возьмет старика.

Эти вопросы он не задавал начальнику. Тот сел за большой тяжелый стол, раскрыл папку с бумагами, протянул руку к телефону. Серафим Иванович для него больше не существовал.

На ватных ногах Сима вышел из кабинета.

— До свидания, — привычно сказал секретарше.

Та не подняла глаза. Тоже новая.

Пошел в свой отдел.

Никто не спросил, зачем вызывал начальник. Все были заняты. Сидели, уткнувшись в бумаги. Теперь стало не принято спрашивать. Похожее произошло со многими. Без объяснения причины. «Уволен» — и все тут. Странно, никто не возражал, не плакал, не умолял не оставлять без куска хлеба.

Так надо, решили где-то очень высоко.

Сима сел за свой рабочий стол. Выдвинул ящики, посмотрел на бумаги, лежавшие там. Смотрел долго, не беря в руки. Потом задвинул ящики и встал.

Окинул взглядом большую комнату отдела. Пробежал глазами лица сотрудников. Было много новых, молодых, пришедших вместе с новым. Никто не поднял голову.

— Пока, — сказал Сима и вышел.

В трамвае глядел в окно. Дорога, знакомая до боли в сердце. Тридцать лет по ней туда и обратно. Много изменилось. Новые дома. Очень высокие. Кафе, рестораны с диковинными названиями. Автомобили разных иностранных марок прямо на тротуарах. Шикарные магазины, в которые войти страшно. Это была не его жизнь.

Хорошо было раньше. Стариков уважали. На пенсию, кто уходил, провожали всем отделом. Преподносил цветы. Цветы были. Говорили много хороших слов. Дарили что-нибудь на память. По имени-отчеству звали. Не «тыкали».

«Куда все девалось?» — спрашивал себя Сима и не знал ответа.

Дома долго сидел неподвижно. Разговаривать было не с кем.

Свечерело. В комнате стало сумеречно.

Вскипятит чай. Но пить не стал сразу. Помешивал ложечкой, слушал, как она звякает о стекло.

Вспомнил о картах, о пасьянсе. Привык с одиночества. Это всегда успокаивало.

Включил свет над столом. Достал с книжной полки колоду уже состарившихся карт. Раскладывал медленно, поправляя тонкими узловатыми пальцами, чтобы карты лежали ровными рядами, не задевали друг друга. Любил порядок. Во всем, даже в раскладывании карт. Профессия научила бережно относиться к бумаге.

Открылась бубновая дама. Задумался. Блондинка. Была у него блондинка. Оставила ему дочь. Тоже беленькую. Один вырастил. Теперь замужем. Где-то далеко живет. Пишет иногда. О внуках пока не пишет. Дама сия была первая любовь. Она, хоть и блондинка,— огонь. Не ему чета. Увы, стала звать его Симой. Этим все сказано. Мягок был. Как понимал любовь, так и любил.

Пиковый валет. Вот кто ее увел, к кому она ушла. Хороший парень. Знал его. Немножко дружили. Задиристый. За словом в карман не лезет. Он ей руки не целовал. Цветов не дарил. В рестораны водил. Скажет, как отрежет. Она слушалась его. Где они теперь, и как у них, не знал.

В следующем ряду открылась дама «треф». Хорошая была женщина. Вместе работали в одном отделе. Она пришла после него. В отделе друг про друга все знали. Узнала и она, что одинокий. У нее тоже в прошлом что-то было. Уже потом никогда не рассказывала об этом. Он тоже помалкивал о бубновой даме. Сближались медленно. Долго были просто друзьями. Пригласил в театр. В консерваторию на Рахманинова, когда узнал, что любит музыку. Приглашение в ресторан она встретила настороженно. Но согласилась. До сих пор помнит, как боялся, что денег не хватит расплатиться. Вел себя беспокойно. Часто терял нить разговора. Так и случилось. Денег не хватило. Она очень мило сказала: «Ничего страшного. У меня тоже, бывало, в магазине не хватало пару рублей».

Потом пригласил к себе.

Чай простыл. Сима встал из-за стола к плите.

Пока чайник закипал, смотрел на стол, на котором в конусообразном свете лампы белели разноцветные картинки.

Вот она жизнь. Все тут — начальники, дамы, кавалеры. Когда в пасьянсе меняешь их местами, подбирая по масти и старшинству, получается все, как в жизни. Кто-то подлаживается по чину, охотно встает на предназначенное ему правилами место. Кто-то не хочет. А есть такие, которые не дают другим встать куда следует. Выскакивают из колоды и являются, когда их не ждешь. Сердишься, бывало. Не сошелся пасьянс. Сгребает карты на столе и раскладывает снова. Редко все сходится.

Закипел чайник. Сима заварил покрепче. Размешал сахар ложечкой и сел к столу.

Пасьянс был разложен. Каждая карта на своем месте.

Он тоже в отделе был когда-то на своем месте. Его уважали. Некоторые сослуживицы, не боясь трефовой дамы, строили ему глазки. Шутя, конечно. Делали это открыто, при всех, поэтому ни у кого это не вызывало «задних мыслей». Так, род безобидного развлечения.

По службе не продвигался. Претензий не предъявлял. Дорогу никому не переходил. Это устраивало всех. Для начальства надежнее человека не было. Сам в кабинете у себя кому-нибудь говорил,— обратитесь к Симе, он сделает. В отделе же при всех называл не иначе как по имени-отчеству — Серафим Иванович.

Трефовая дама принимала его таким, каков есть. Поняла — что за человек. Не переделывала. Сима не знает до сих пор, любила ли она его или просто привыкла, как привыкают к тому, что долго рядом. Он был ей за ребенка,— детей у них не было.

Пять лет назад он потерял трефовую даму. Она умерла от рака груди. Горевал?

Конечно, горевал. Потом постепенно привык, что ее нет. Привык к одиночеству. К пустому дому. К пасьянсу привык. Давно привык каждое утро идти на работу и вечером возвращаться в дом.

Приступил к пасьянсу. Карты в нижнем ряду быстро нашли свои места. Бубновая пятерка легла на пиковую шестерку. Червовая двойка на тройку треф. Пикового туза, который освободился от червовой десятки, лежавший на нем, выложил наверх. Еще удалось открыть червовую даму, сняв с нее бубновую пятерку. Про себя называл карты по кличкам. Двойка — девушка, девочка, А когда карта не ложилась как надо, в сердцах — девкой. Тройка — трешка. Валеты — эполеты. Десятка — десятник. Так по отчетам проходили маленькие начальники на стройке. Мадамами были дамы. Короли — начальники, как же иначе. А тузы — они и есть тузы. Начальники над начальниками.

Сначала все быстро раскладывается по своим местам. Впрочем, как в жизни. Проблемы начинаются потом. Долго ищешь следующего хода: надо переместить этого валета, а переместить некуда. Задумаешься. Порой надолго. Потом вдруг, пошарив глазами по разложенным картам, видишь, есть выход. Тут начинается азарт. И тут, главное, не слишком торопиться. Сколько раз, сделав торопливо, кажется, удачный ход, видишь — тупик. Ни одной карты маленькой, какой-нибудь девушки или десятника, переместить некуда. Над ними одни тузы или короли. Даже мадам не годится на это место. Эполеты — тем более. Пасьянс дело тонкое. Торопливости и суеты не любит. Не любит, когда что-то отвлекает. Для Симы это дело серьезное.

Долго ничего не получалось. Никак не складывался пасьянс. И заметил, что из-за червового короля это. Когда выводил короля в верхний ряд, начинаешь готовить для него «хвост»: по порядку даму, валета, десятку и все карты до самой двойки. Иногда увлечешься, хвост получается длинный, до пятерки дойдешь, а положить его на короля нельзя. Наверху только четыре места. Только четыре карты можно положить, а их вон уже сколько — от дамы до пятерки получается семь. Даже если пять будет, ничего не сделаешь. Не сложится пасьянс. Надо начинать сначала. Снова раскладывать пятьдесят две карты.

Стало получаться у Симы, что всегда дело в червовом короле. Пиковый король более покладист. «Хвост» ему приделать, то есть все карты от дамы до двойки разложить, удавалось чаще, чем червовому.

Стало Симе мерещиться, что червовый король это новый начальник. Физиономия у него красная. Особенно красной становится, когда приходит в отдел ругать за плохую работу. Наливается, того и гляди лопнут, не выдержат щеки.

А пиковый король — это прежний начальник. Он умел ладить и с дамами, и с валетами, и младшим персоналом — секретаршами, рассыльными, уборщицами. Симпатия была взаимная.

Принято считать, что пиковый король это пожилые мужчины, а красные короли — червовый и бубновый помоложе. Правильно получается: новый моложе прежнего начальника.

Тут явился азарт. В руках игрока, какому королю дать ход: готовить свиту, или «хвост». Черным королям — свиту, красным — хвост. А в первую очередь готовить пиковому королю.

Тут погасла лампа, стоявшая на столе.

«Как некстати», — вырвалось из груди Симы. Так хотелось, что бы пиковый король поскорее «победил» — раньше красного выстроил по порядку своих подчиненных.

Нет, он не оставит это дело.

На кухне наощупь нашел на полке малый огарок старой свечи и спички. Осто-

рожно ступая, стараясь в темноте ничего не опрокинуть, дошел до стола. Определил рукой его край и поставил свечу. Чиркнул спичками. Комната осветилась неярким колеблющимся светом. На свече вырос маленький язычок оранжевого пламени. Свет стал более устойчив. Главное, можно было разглядеть карты.

Сима долго боролся за победу черного короля над красным. Это только так кажется, что это устроить легко. Как только начинаешь подбирать карты по чину и масти для черного короля, у красного наступает затор. Нет хода. Пасьянс не сошелся. И все начинаешь сначала: раскладывать пятьдесят две карты.

Сима забыл про все на свете.

Он не помнит, сколько прошло времени. За окном была черная ночь.

Наконец стало получаться. Оба короля — трэф и пик были так близки к победе, оставалось найти красные двойки — самые последние карты, что говорило бы о триумфе над красными королями. Тонкие, бледные, в узлах суставов пальцы слегка дрожали даже. Вот они, родимые! Оставалось положить их на свои места, и победа!

Но погасла свеча.

* * *

Утром, когда проснулся, с испугом посмотрел на часы — не проспал ли на работу.

На столе увидел разложенные карты и все вспомнил. Опустился на стул. Прощедшей ночью ему приснился сон. Хороший сон. Трефовая дама говорила — не расстраивайся Сима. Надо жить дальше. Все будет хорошо. И гладила его голову, как гладят ребенка.

Серафим Иванович долго сидел не двигаясь. Посмотрел за окно. Было солнечное утро. Встал. Вышел на улицу и направился к вблизи расположенному скверу.

Кира Крестьянкина
(г. Тула)

ПРИШЛО ВРЕМЯ
(Сказка)

Учится в ТГПУ им Л. Н. Толстого. Пишет сказки. Неоднократно занимала призовые места в районных и областных конкурсах, как прозаик. Является победителем 2010 и 2011 годов городского конкурса «Ступени» в номинации проза.

Он хотел, чтобы поскорее пришло его время. Он томился ожиданием, продолжая уже который день лежать в пластиковой бутылке со срезанным верхом. Таких, как он, здесь было еще несколько десятков. И все ждали своей очереди. Все помнили, как их привезли сюда прямо с завода, где они появились на свет. С тех пор, они и лежали тут, ожидая, когда придут именно за ними.

Некоторых из них уже разобрали, ожидающих своей очереди, подложили на их место. Все они были разными: разного цвета, разного размера, разной формы, кто-то был с надписями, кто-то с рисунком, кто-то просто одного цвета. Все индивидуальны, и каждый хотел, чтобы следующий, кто придет сюда, выбрал именно его...

И он хотел, он ждал, он верил. Вот уже совсем скоро кто-то придет именно за ним. Тогда, наконец-то, в него вдохнут жизнь. И он сможет продолжить свой недолгий, но все-таки путь...

Он был шариком... Да, обычным воздушным шариком. Источником радости всех детей (да и не только детей). Хотел прожить свою короткую жизнь не зря. Он мечтал успеть доставить радость или сделать что-то полезное. Это удавалось далеко не всем воздушным шарикам. Многим вовсе не хватало времени. Они едва успевали почувствовать в себе душу, как она рвалась наружу, и на этом существование их и прекращалось... Жалко конечно... Вот наш воздушный шар и надеялся на то, что все же успеет принести пользу за столь недолгое время, отмеренное всем воздушным шарам.

И вот, одним совершенно обычным днем открылась дверь магазина, зазвенел колокольчик, возвещающая о прибытии нового покупателя. И, о чудо! Ему был нужен именно воздушный шарик. Выбор пал на него!

«Да, да. Вот этот, пожалуйста, со звездочками»,— сказал покупатель. «Не может быть,— подумал наш воздушный шар,— это он про меня!» Наш шарик был белого цвета, весь усеянный серебристыми звездочками. Красивый, ведь так? А какой он будет, когда наконец-то заполнится воздухом!

Да, свершилось! Его купили, принесли домой. «Хм, сегодня, похоже, меня оживлять не будут,— думал шарик, лежа на письменном столе. — Ну что ж, подождем. Главное, что сменил обстановку, все лучше, чем в бутылке лежать». Стал осматриваться: комната, в которой ему приходилось находиться, была обставлена обычной мебелью, на стене висела внушительных размеров полка с книгами, кое-какие статуэтки были расставлены по всему помещению, очевидно для красоты. Также шарик

заметил большое количество мягких игрушек на кровати, да и на столе, и полке. А еще — карандаши цветные, ручки, фломастеры на столе, тетрадки, альбомы, опять же книжки. Из чего шарик сделал вывод, что здесь живет ребенок.

После того, как шарик перестал заниматься созерцанием комнаты, он принялся размышлять о возможной его собственной дальнейшей судьбе.

А варианты ее развития были многочисленны:

Шарики могли использовать на разных праздниках. Он слышал, что многих берут на дни рождения, свадьбы, дни чего-нибудь там... «Эти люди вечно придумывают себе праздники. А мы частенько в них участвуем. Украшаем собою их веселье,— думал шарик.— Куда же еще меня могут пристроить? Здесь я, вроде бы, один, а одним мной мало что украсить можно. Тогда, может, этот мужчина купил меня, чтобы порадовать самого себя? Да, взрослые тоже иногда радуются нашему появлению. Но не похоже, чтобы он приобрел меня только, чтобы порадоваться. Иначе бы уже давно наполнил меня воздухом и ходил, радовался... Нет, тут что-то другое. Что же меня ждет, какая судьба?» Так он лежал на столе и все думал и думал. А в него все не спешили вдыхать жизнь. Тем временем, мужчина, совершивший сегодня эту покупку, позвонил кому-то по телефону. И шарик, прислушавшись, смог уловить некоторые обрывочные фразы, сказанные мужчиной кому-то на том конце провода: «Я все купил... Завтра приду, ждите... Как вы там?.. Ну, ничего, ничего... Передай Машунычке привет от меня... Скажи, что я ее очень люблю... Да... Да, конечно... Я ей завтра шарик принесу воздушный, она же так их любит, пусть порадует... Да, да... До завтра, целую вас... пока». Хозяин квартиры положил трубку. Выражение лица у него было совсем уж грустное. Да он и до этого не отличался особой веселостью. Как заметил шарик, человек, что его купил, наверняка переживает о чем-то серьезном...

Мужчина все с тем же унылым выражением лица продолжил заниматься своими делами, а шарик, предоставленный сам себе, как он понял, уж точно до завтра, вернулся в свои размышления: «Значит, меня понесут в подарок. Это хорошо. Значит, радость кому-то я точно доставлю. Подаркам же радуются... А если он сказал, что она, эта Машунычка, нас любит, ну так точно завтра доставлю ей целое море радости. Отлично! Интересно, а кто эта Машунычка ему? Ну да ладно, завтра узнаю. Эх, завтра в меня наконец-то вдохнут жизнь! Ура-а-а!» Полный сладостных предчувствий, наш шарик продолжал лежать на столе, не переставая думать о завтрашнем дне — его дне, его триумфе...

Тем не менее, луна за окном возвестила о наступлении ночи...

«Какие неповторимые ощущения! — шарик был восхищен, его наконец-то наполнили воздухом, ему подарили жизнь.— Я готов полететь! Выше и выше, к небу! Я счастлив, счастлив. Кажется — это блаженство будет вечным! Улечу, улечу! Ах, нет, что это такое? Веребочка? Зачем?.. Ну да, ну да. Ко мне привязывают веревочку. Мне не дадут улететь. Так нужно. Сегодня меня подарят. Я же собирался принести целое море радости этой самой Машунычке... Согласен, привязывай... И давай уже скорее на улицу! Хочу почувствовать ветер! Хочу летать. Хотя бы и на веревочке, но летать!»

Конечно же, у нашего шарика появилась возможность ощутить тот самый полет, которого все шарики ждут с нетерпением. Он мог насладиться им вдоволь, пока они не прибыли на место. «Так, а что это? Больница?.. Странно». Но они действительно добрались до областной больницы. Сомнений у шарика не было: они направлялись именно туда.

Мужчина вошел в главный вход. Там, внизу, его уже ждали. Теми, кто ждал, оказались женщина (шарику показалось, что она тоже очень грустная, а еще какая-то

уставшая и даже измученная) и маленькая девочка. Эта самая девочка подбежала к мужчине с криком: «Папочка! Папа!» После чего повисла у него на шее, мужчина подхватил ее на руки: «Машунька! Привет!» поцеловал ее в щеку. И шарик увидел на лице его улыбку, первый раз за все время. «Так вот оно что... Папа, значит»,— подумал он.

После теплого приветствия, мужчина отпустил девочку и, протянув ей шарик, сказал: «Это тебе. Держи». «Шарик!» — радости девочки не было предела.

В то время как она в состоянии полного восторга ходила по холлу вместе с шариком, к мужчине подошла жена (у шарика не осталось сомнений по поводу семейного родства этих людей). Мужчина поцеловал ее в щеку и ободряюще приобнял за плечи. Она вымученно улыбнулась.

«Вот, я принес все, что нужно»,— сказал он ей, показывая пакет, который держал в руке. «Спасибо большое,— сказала она,— давай отнесем это в палату, а потом все вместе прогуляемся на воздухе. Маше полезно...» Муж кивнул. «Что врачи говорят? Как она?» — осторожно поинтересовался он. Выражение лица жены еще больше помрачнело, хотя казалось, что дальше уже некуда. Она, не ответив, обернулась к девочке: «Машенька, будь умницей, побудь пока здесь, поиграй с шариком, а мы с папой сейчас вернемся и все вместе пойдем гулять». Маша радостно кивнула и продолжила свои забавы с воздушным шариком. Муж с женой пошли к лестнице, женщина начала что-то ему рассказывать, очевидно, отвечала на его вопросы.

Но всего этого шарик уже расслышать не мог. И как-то он тоже погрустнел. Вроде бы все, чего он хотел, случилось, но он не чувствовал себя счастливым. Как он смог понять из разговора, эта девочка чем-то больна и лежит в больнице вместе с мамой. И, судя по лицам ее обеспокоенных родителей, все очень серьезно...

Да, какая уж тут радость... Но девочка, казалось, не разделяла общего состояния, к которому подключился даже шарик, она продолжала с ним играть. Стала кружиться, танцевать... Шарик смотрел на нее сверху и думал: «Такая маленькая девочка, миленькое личико, темные волосы завязаны красными бантиками, бежевый сарафанчик. Какая она хорошая. У нее впереди целая жизнь. Как она улыбается! Как искренне радуется такой мелочи, как я — воздушный шарик. Как бы я хотел, чтобы она скорее поправилась. Такое милое создание, просто не должно быть подвластно никаким болезням...»

Размышления нашего шарика были прерваны возвращением родителей. После чего, они все пошли на улицу.

Гуляли наверно больше часа. Но Маша все время убегала вперед, поэтому шарик больше не мог слышать, о чем говорят ее родители. А когда они (Маша и шарик) прибежали назад, мама и папа старались изо всех сил казаться веселыми. Говорили Маше что-нибудь приятное, смешили ее. В общем, пытались создать атмосферу обычной семейной прогулки, не обращая внимания на то, что они сейчас гуляют по территории больницы...

«Как бы я хотел что-нибудь для них сделать,— думал шарик.— Но что я могу? Доставить немного радости этой маленькой девочке? Только и всего...»

«Ой, мамочка, а помнишь, нам недавно дяденька доктор рассказывал про желания?» «Да, Машенька, помню»,— улыбнулась мама. «Папа,— поспешила девочка рассказать все ему,— оказывается, есть много способов загадывать свои желания. Один из них — это рассказать его воздушному шарик, а потом отпустить его в небо, чтобы он смог донести желание, и оно обязательно исполнится, нужно только в это верить». Папа улыбнулся и погладил дочку по голове. А она просто сияла. Видимо эта история с загадыванием желания ей очень понравилась.

«А может быть, стоит попробовать?» — не унималась девочка. «А не жалко тебе

шарик отпустить?» — поинтересовался папа. «Он же мое желание понесет,— с уверенностью ответила Маша.— Это же здорово! Да, мам?» «Конечно,— поспешила заверить мама,— давай, запускай свое желание». «Загадывай, Машунька»,— поддерживал папа. Воодушевленная девочка взяла шарик двумя руками, нашептала ему что-то, потом снова взялась за веревочку, зажмурилась и разжала пальцы, выпустив шарик, а, вместе с ним, и свое желание...

«Вот оно как, вышло,— думал шарик.— Мне досталось то, о чем я и не думал мечтать. Теперь мне смешны все мои предположения о том, чем наполнится моя жизнь. Мне досталось право донести желание маленькой девочки... И я доставлю его, как бы высоко мне ни пришлось подняться, как бы долго ни пришлось лететь...» Шарик посмотрел на быстро удаляющийся от него тротуар, и на семью, оставшуюся там, внизу. Папа ободряюще приобнял маму, а девочка стояла, прислонившись к ним спиной, и чувствуя тепло родительских рук, лежавших на ее плечах. Все они смотрели вверх. Да, на него, на белый шар с серебристыми звездами... «Маша, я не подведу! — мысленно крикнул шарик.— Не переживай за свое желание, оно обязательно исполнится!» Шарик поднимался все выше и выше, наконец-то он ощутил это сладостное чувство полета, хотя это уже не было для него сейчас так важно, главное — это желание девочки... «Что за желание? Нет, я вам не скажу. А то не сбудется. А я обязан сделать так, чтобы сбылось. На меня надеются и Маша, и ее родители, хотя их уже и не видно вовсе, но я знаю, что они там, они верят мне, и я им помогу». — Шарик был уверен в своих силах и поднимался еще выше, к цели. Теперь он точно знал, что его коротенькая жизнь была не напрасна. Желание маленькой девочки обязательно сбудется, в него ведь все верят...

Белый шарик с серебристыми звездами навсегда скрылся за облаками...

